

ВАЛЕРИ ПЕРРЕН

*Поменяй
воду
цветам*

МИНУС ОДИН
ЧЕЛОВЕК – И МИР
ОБЕЗЛЮДЕЛ

PRIX MAISON DE LA PRESSE 2018

Бестселлер №1 во Франции

Валери Перрен

Поменяй воду цветам

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)

Перрен В.

Поменяй воду цветам / В. Перрен — «Эксмо»,
2018 — (Бестселлер №1 во Франции)

ISBN 978-5-04-105396-3

Как быть, если кажется, что все потеряно и пережить свалившиеся несчастья невозможно? Виолетта Туссен решает на то, что в прошлой жизни показалось бы ей самой абсурдным: соглашается на должность смотрительницы кладбища. Мало-помалу она знакомится с завсегдатаями этого необычного места, которые не прочь зайти к ней погреться в промозглый день, выпить чашку кофе и поговорить о том о сем. Здесь никто не притворяется, здесь все как в жизни: смех и слезы всегда рядом, а бытие кажется скоротечным. Как ни странно, в этом невеселом месте Виолетта понимает: любовь к жизни и людям спасает от всего, в том числе от грусти и страха. И именно здесь осознаешь: все быстротечно и не стоит отказываться от самых необычных, смелых, даже сумасбродных поступков.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-04-105396-3

© Перрен В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

1	6
2	7
3	9
4	11
5	14
6	16
7	20
8	22
9	24
10	27
11	29
12	31
13	33
14	36
15	38
16	40
17	41
18	42
19	44
20	46
21	48
22	50
23	51
24	54
25	56
26	58
27	61
28	63
29	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Валери Перрен

Поменяй воду цветам

Valérie Perrin
Changer l'eau des fleurs

© Editions Albin Michel – Paris 2018

© Клокова Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Моим родителям, Франсине и Ивану Перрен, Патрисии Лопез
«Паките» и Софи Долл*

1

Минус один человек – и мир обезлюдел.

Мои соседи ничего не боятся. Забот у них нет, они не влюбляются, не грызут ногти, не верят в случай, не дают обещаний, не шумят, не страхуются, не плачут, не ищут ключи, очки, пульт от телевизора, детей и счастье.

Они не читают, не платят налоги, не соблюдают режим, не имеют предпочтений, не меняют мнение, не застилают постель, не курят, не составляют списков, не отмеряют семь раз, прежде чем отрезать. У них не бывает заместителей.

Они не подхалимы и не честолюбцы. Они не злопамятны, не мелочны, не благородны, не ревнивы, не выглядят неопрятно. Они чисты, возвышенны, забавны, упорны, ворчливы, лицемерны, добры, жестоки, слабы, злы, лживы, вороваты, азартны, храбры. Некоторые из них – дармоеды, другие – развратники, третьи – оптимисты.

Все они – мертвецы.

Чем один отличается от другого? Качеством гроба – из дуба, сосны или красного дерева, – в котором покоятся.

2

*Что мне делать теперь, когда я не слышу твоих шагов и не знаю,
чья жизнь утекает – твоя или моя.*

Меня зовут Виолетта Туссен. Я была дежурной по железнодорожному переезду, а теперь работаю смотрительницей кладбища. Здесь я и живу.

Я пробую жизнь на вкус, пью ее мелкими глоточками, как жасминовый чай с медом. Вечером, когда ворота моего кладбища заперты, а ключ повешен на ручку двери в ванную, наступает райское блаженство.

Нет, не такое, как у моих соседей.

Я говорю о рае для живых – стаканчике портвейна 1983 года. Каждый год, 1 сентября, Жозе-Луиш Фернандез дарит мне бутылку, и я открываю это вместилище солнца, бабьего лета, счастья ровно в семь вечера, в дождь, снег или ветер.

Два наперстка рубиновой влаги. Кровь виноградников Порто. Я закрываю глаза. И наслаждаюсь. Один глоток – и вечер наполняется радостью. Всего два наперстка, потому что я люблю легкое опьянение, но не алкоголь.

Жозе-Луиш Фернандез весь год, раз в неделю, приносит цветы на могилу супруги, Марии Пинто (1956–2007). В июле он уезжает в отпуск, доверив священнодействовать мне. Бутылка портвейна – знак его благодарности.

Мое настоящее – подарок небес. Так я говорю себе каждое утро, открыв глаза.

Я была очень несчастна, почти уничтожена. Опустошена. Как мои соседи, за которыми я приглядываю, – и даже хуже. Сам-то организм функционировал, но на «холостом ходу». Куда-то подевался весь объем души, а ведь она, как говорят, весит ровно двадцать один грамм – у толстых и тощих, высоких и низких, молодых и старых.

Хотите знать, что меня спасло? Все очень просто. В отличие от многих, я никогда не упивалась своими бедами и решила положить им конец.

Началась моя жизнь очень плохо. Я родилась от неизвестных родителей, в Арденнах, на севере департамента, в местечке на границе с Бельгией. Тамшний климат называется «умеренно континентальный» – сильные осадки осенью и частые заморозки зимой. Я всегда представляла себе, что именно об этих местах написана «Равнинная страна» Жака Бреля, «где небо близко так, что вот подать рукой, и серый небосвод сливается с рекой».

В день своего рождения я не закричала. И меня отложили в сторону, как посылку весом 2,670 кг, без штампа и фамилии адресата. Наверное, решили сначала заполнить бумаги, чтобы объявить меня безвременно ушедшей.

Мертворожденной. Ребенок без искры жизни и фамилии.

Акушерка торопилась домой и, недолго думая, назвала меня Виолеттой. Полагаю, вся я, с головы до маленьких пятючек, была именно такого цвета.

Потом кожа порозовела, пришлось заполнять свидетельство о рождении, но женщина и не подумала «переназвать» младенца.

Меня положили на батарею, и я согрелась. Мать не хотела ребенка, и я ужасно мерзла у нее в утробе. Жар, исходящий от чугунной гармошки, вернул меня к жизни, поэтому я так люблю лето и не упускаю случая подставить лицо первым солнечным лучам, совсем как подсолнух.

В девичестве я была однофамилицей Шарля Трене¹, фамилию наверняка придумала та же акушерка. Видимо, была поклонницей певца. Потом я его тоже полюбила и долго считала кем-то вроде дальнего родственника, этаким «американским дядюшкой». Если напеваешь себе под нос мелодии любимого исполнителя, чувствуешь родство душ.

Фамилию Туссен² я взяла, выйдя замуж за Филиппа Туссена. Нужно было сразу настроиться. Некоторые мужчины, которых зовут Прентан³, бьют жен. У многих мерзавцев красивые имена.

Я не тосковала по матери. Разве что во время болезни, если случался сильный жар. Я быстро росла. Тянулась вверх, словно Провидение наградило меня гордой спиной, чтобы компенсировать отсутствие родителей. Я прямая, как струнка. Не гнусь, не склоняюсь, не прогибаюсь. Даже в дни печали. Меня часто спрашивают: «Вы, случайно, не занимались классическим балетом?» – «Нет... – отвечаю я, – осанка – от повседневных забот, они заменили мне станок».

¹ Шарль Трене (1913–2001) – французский певец, поэт и композитор.

² *Toussaint* – День Всех Святых (*фр.*) если фамилия, то Всесвятский/Всесвятская.

³ *Le printemps* – весна (*фр.*).

3

*Пусть заберут меня или моих родных, я не боюсь, ведь однажды
все кладбища превратятся в сады.*

В 1997 году наш железнодорожный переезд автоматизировали, и мы с мужем лишились работы. О нас написали газеты, назвали «побочными жертвами прогресса, последними служащими железной дороги, которые вручную поднимали и опускали шлагбаум». К статье прилагалось фото. Филипп Туссен обнял меня за талию и принял красивую позу. Я улыбаюсь, но до чего же у меня грустные глаза на этом снимке!

В день выхода статьи Филипп Туссен вернулся из почившего в бозе Государственного бюро по трудоустройству в полном смятении: он только что понял, что ему придется работать. Филипп привык, что за него все делаю я. Он был уникальным лентяем и, конечно же, достался мне, кому же еще!

Желая приободрить любимого, я протянула ему листок бумаги: «Смотритель кладбища, профессия будущего». Он посмотрел на меня, как на буйнопомешанную. В 1997-м он смотрел так на меня каждый день. Разве разлюбивший мужчина смотрит так на женщину, которую когда-то любил?

Я объяснила, что случайно увидела это объявление, что мэрия Брансьон-ан-Шалона ищет супружескую пару для работы на кладбище и что мертвые живут по расписанию и шуметь будут уж точно меньше поездов. Что я поговорила с мэром и он готов немедленно нанять нас.

Муж не поверил, сказал, что таких случайностей не бывает и он скорее сдохнет, чем согласится на ремесло падальщиков. А потом включил приставку, чтобы сыграть в *SuperMario64*⁴, поставив перед собой сверхзадачу собрать все 120 силовых звезд. Я же хотела схватить за хвост одну-единственную – правильную. Об этом и думала, глядя, как мчится Марио, чтобы спасти принцессу Персик, похищенную Великим Королем Демонов.

Я не сдалась. Сказала, что на кладбище у каждого из нас будет зарплата – и намного выше, чем на переезде, вдобавок у нас будет симпатичное служебное жилье, а налоги платить не придется. Мы наконец-то покинем дом, в котором прожили столько лет, хибарку, где зимой крыша протекала, как старая лодка, а летом было холодно, как на Северном полюсе. Я убеждала Филиппа, что нам необходимо начать все сначала, обещала повесить красивые занавески, чтобы не видеть «соседей» – кресты, вдов и все остальное. Занавески станут границей между нашей жизнью и чужой скорбью. Я могла бы сказать Туссену правду: занавески отделят мою печаль от всей остальной, накопившейся в нашем мире. Могла бы, но не стала. Понимала, что должна притворяться, иначе он не согласится переехать.

Главный довод я приберегла на самый конец – пообещала, что ему НИЧЕГО не придется делать. Ремонт, могилами и всем обустройством занимаются три могильщика, а смотритель только открывает и закрывает ворота. Режим работы не слишком утомительный. Отпуск и уик-энды такие же длинные, как железнодорожный мост-виадук в Бельгард-сюр-Вальсерине. Я беру все на себя. Все-все.

СуперМарио остановился. Принцесса полетела кубарем.

Перед сном Филипп Туссен перечитал объявление. «Смотритель кладбища, профессия будущего».

⁴ *SuperMario64* – 3D-видеоигра (1996), считается одной из величайших видеоигр всех времен. Главный герой – Марио – решает сверхзадачу: вырвать принцессу Грибного Королевства из лап своего главного антагониста Баузера – Великого Короля Демонов. Создатель видеоигры Сигэру Миямото (род. в 1952 г.).

Наш переезд располагался в Мальгранж-сюр-Нанси. В тот период моей жизни я не жила. Правильнее было бы сказать «в тот период моей смерти». Я вставала, одевалась, работала, ходила за покупками, спала. Приняв таблетку снотворного. Или две. Иногда три. И замечала, что муж смотрит на меня как на безумную.

График моей работы был чудовищно однообразным. Я опускала и поднимала шлагбаум всю неделю, по пятнадцать раз на день. Первый поезд проходил через нас в 04.50, последний – в 23.04. Очень скоро у меня выработался автоматизм, мозг в нужный момент выдавал звоночек, и я всегда слышала его с опережением. Эту каторгу следовало делить на двоих, но Филипп только гонял на мотоцикле и заводил новых любовниц.

Пассажиры в окнах вагонов навевали мне мечты, хотя мимо следовали только местные поезда. Они шли из Нанси в Эпиналь, делая десятиминутные остановки в небольших местечках, чтобы оказать вспомоществование «аборигенам». И все-таки я завидовала мужчинам и женщинам, у которых была цель и они могли ее осуществить. Я воображала, что эти люди назначили кому-то свидание и этот кто-то ждет их. Боже, как же мне хотелось уподобиться им!

Через три недели после выхода объявления мы отправились в Бургундию. Сменили серый цвет города на зелень природы и ни с чем не сравнимый запах железной дороги.

Пятнадцатого августа 1997 года мы прибыли в Брансьон-ан-Шалон. Во Франции настала пора отпусков. Французы покидали «насиженные места», чтобы увидеть море, горы и водопады. Кладбищенские птички, вившие гнезда на деревьях, улетели. Кошки, бродившие между горшками роз, исчезли. Даже муравьям и ящерицам было слишком жарко, мрамор памятников стал обжигающе горячим. Могильщики взяли отпуск, не стало даже усопших. Я бродила по аллеям, читая фамилии людей, которых мне не суждено было узнать, но чувствовала себя прекрасно. На своем месте.

4

*Бытие вечно, жизнь преходяща.
Вечная память будет ее посланием.*

Я сама открываю и закрываю тяжелую решетку кладбищенских ворот, если только замочная скважина не залеплена жвачкой – подростки часто так развлекаются.

Часы работы меняются в зависимости от времени года.

1 марта – 31 октября: 08.00–19.00.

1 ноября: 07.00–20.00.

2 ноября – 28 февраля: 09.00–17.00.

29 февраля из расписания выпало.

Я взяла на себя обязанности мужа после его отъезда, а если точнее – после того, как он пропал. Имя Филиппа Туссена фигурирует в национальной картотеке жандармерии в графе «исчезновение при сомнительных обстоятельствах».

В поле моего зрения осталось много мужчин. Три могильщика: Ноно, Гастон и Элвис. Три сотрудника похоронной службы: братья Луччини – Пьер, Поль и Жак, а еще отец Седрик Дюрас. Все они заходят ко мне по несколько раз на дню, чтобы выпить стаканчик или перекусить на скорую руку. Помогают мне в саду и на огороде, если требуется перетащить мешки с компостом или починить кран. Я считаю их не коллегами – друзьями. Они могут заглянуть на кухню в мое отсутствие, выпить кофе, вымыть чашку и отправиться дальше по собственным делам.

Люди испытывают отвращение, гадливость к ремеслу могильщика, но те, кто работает на моем кладбище, – самые милые и располагающие к себе мужчины на свете.

Больше всех я доверяю Ноно. У этого прямодушного человека радость жизни бурлит в крови, все его веселит, он не знает слова «нет», правда, никогда не присутствует на похоронах ребенка. Это он оставляет другим. «Тем, кому хватает мужества» – так он говорит. Ноно напоминает мне Жоржа Брассенса. Он смеется над этим сравнением: «Ты одна это замечаешь!»

Гастон совсем другой, он – мсье Неуклюжесть и всегда выглядит пьяненьким, хотя пьет только воду. Его движения хаотичны. На похоронах Гастон неизменно стоит между Ноно и Элвисом – на случай потери равновесия. Земля вечно дрожит у него под ногами. Он опрокидывает все, что попадает под руку, роняет вещи, наступает на них, падает. Когда Гастон заходит ко мне, я всегда боюсь, что он что-нибудь разобьет и поранится. Так оно и происходит.

Элвиса все зовут Элвисом из-за Элвиса Пресли. Он не умеет ни читать, ни писать, зато знает наизусть все песни своего идола. Слова наш Элвис произносит неразборчиво, понять, поет он на английском или на французском, невозможно, но сердца вкладывает много. *Love me tender, love me trou...*⁵

Братья Луччини – погодки: младшему тридцать восемь, среднему тридцать девять и старшему 40 лет. Они потомственные «похоронщики» Брансьона и владельцы морга, примыкающего к их магазину. Ноно рассказал мне, что помещения разделяет тамбур. Опечаленных родственников принимает Пьер, старший брат. Поль – бальзамировщик и работает в подвале. Жак сидит за рулем катафалка, он возит покойников в последний путь. Ноно называет братьев «апостолами».

⁵ «Love me tender» – «Люби меня нежно», американская песня 1956 г., написанная на основе сентиментальной баллады «Аура Ли» времен Гражданской войны. Баллада была написана поэтом-песенником В. В. Фосдиком и композитором Джорджем Р. Поултоном и издана в 1861 году. Версия, записанная Элвисом Пресли и включенная в одноименный фильм, входит в список «500 величайших песен по версии журнала *Rolling Stone*».

Нашего кюре зовут Седрик Дюрас. У Господа есть вкус, хоть Он и не всегда справедлив. С появлением нового кюре на многих местных дам снизошло Божественное откровение, и в воскресенье, на утренней службе, почти все места на скамьях теперь заняты.

Я не хожу в церковь – посещение храма было бы равносильно сексу с коллегой, но признаний выслушиваю больше, чем отец Седрик в исповедальне. Близкие изливают душу в моем скромном доме и на кладбищенских аллеях, иногда по два раза – приходя на могилу и уходя. Усопшие молчаливы. Таблички на памятниках, цветы, фотографии важны для членов семьи и друзей. Живым хочется постоять у могилы, рассказать мне, какой была жизнь *до*.

Моя работа требует сдержанности и умения общаться, не впадая в излишнюю чувствительность. Не сопереживать для меня – все равно что летать в космос, стоять у операционного стола, спускаться в жерло вулкана или разгадывать геном человека. Я никогда не плачу на людях, только до или после похорон, но не во время. Моему кладбищу триста лет. Первой на нем похоронили Диану де Виньрон (1756–1773). Она умерла родами, в возрасте семнадцати лет. Если провести подушечками пальцев по могильной плите из камня-сырца, можно «прочитать» ее имя и фамилию, как делают слепые, владеющие азбукой Брайля. Диану не эксгумировали, хотя мест на моем кладбище осталось немного. Ни один мэ́р из всей череды сменявшихся друг друга народных избранников не осмелился нарушить покой первой обитательницы кладбища, тем более что с именем Дианы связана старинная легенда. Жители Брансьона утверждают, что не раз видели ее в «одеждах из света» на аллеях и перед витринами магазинов в центре города. Я хожу на чердачные распродажи и часто нахожу гравюры XVIII века и открытки с изображением Дианы-призрака. Выглядит она на этих снимках не слишком авантажно.

О могилах вообще рассказывают много историй – живые любят досочинять жизнь ушедших.

Существует легенда Брансьона № 2. Она о Рен Дюша (1961–1982), которая покоится на участке «Кедры», аллея 15. С фотографии смотрит молодая улыбающаяся брюнетка, попавшая в аварию на выезде из города. Молодняк клянется, что ее призрак часто является проезжающим на обочине дороги, рядом с местом катастрофы.

Миф о «дамах в белом» бытует во всех уголках планеты. Призраки женщин, разбившихся на машине, посещают мир живых, их неприкаянные души летают по замкам и кладбищам.

Легенда о Рен получила материальное «подтверждение»: ее могила тронулась с места. Ноно и братья Луччини уверены: все дело в грунте, подвижки нередки, когда под склепами скапливается вода.

За двадцать лет я многое повидала на моем кладбище. Иногда по ночам тени занимаются любовью на могилах, но они не призраки.

Ничто не вечно (за исключением легенд) – даже купленные навечно места на кладбище. Можно купить место на пятнадцать, тридцать, пятьдесят лет или навечно, но с вечностью придется обращаться осторожно: если по истечении тридцати лет за могилой перестают ухаживать и она приобретает обветшалый, малоприличный вид, если в нее давно никого не подхоранивали, коммуна получает право на повторное использование. Останки первого «жильца» помещают в оссуарий, находящийся в глубине кладбища.

Я не раз была свидетельницей такой операции. Никто не возражал – мертвых уподобляли забытым и невостребованным вещам.

Со смертью всегда так: чем она «старше», тем меньше власти имеет над живыми. Время убивает жизнь и разрушает смерть.

Мы четверо – я и трое могильщиков – делаем все, чтобы на нашем кладбище не было заброшенных могил. Нам нестерпим вид таблички с муниципальным объявлением: «Эта могила подлежит ремонту. Просим срочно связаться с мэрией». А имя того, кто лежит под плитой, все еще можно разобрать на памятнике!

На кладбище полно эпитафий – люди как будто закливают время, чтобы оно замедлило ход, позволило им уцепиться за воспоминания. Мне больше всего нравится вот эта надпись: «Смерть начинается в тот момент, когда о вас перестают мечтать». Я прочла ее на могиле молодой медсестры Мари Дешан, скончавшейся в 1917 году. Мемориальную доску установил в 1919-м какой-то солдат. Проходя мимо, я всякий раз спрашиваю себя: «Интересно, он долго о ней мечтал?»

Чаще всего в качестве «последнего прости» выбирают фразу из песни Жан-Жака Гольдмана⁶ «Без тебя»: *Что бы я ни делал, где бы я ни был, ты не исчезаешь, я думаю о тебе*; или слова Франсиса Кабреля⁷: *Между собой звезды беседуют лишь о тебе*.

У меня очень красивое кладбище. Аллеи обсажены столетними липами. Большая часть могил украшена цветами.

Я продаю растения в горшках – выставляю их перед домом, чтобы люди выбирали, а когда они слегка теряют товарный вид, отношу их на «ничейные» захоронения.

А еще я посадила сосны, обожаю, как они пахнут летом.

С 1997 года деревья здорово выросли и придают моему кладбищу шик. Содержать его в порядке значит заботиться о мертвых, выказывать им уважение. Если они не имели этого при жизни, пусть хоть после смерти порадуются.

Уверена, у нас лежит много негодяев, но смерть не делает различий между добрыми и злыми. И потом, кто хоть раз в жизни не повел себя по-свински?

Филипп Туссен, в противоположность мне, сразу возненавидел кладбище, этот маленький городок, Бургундию, природу, старые камни, белых коров и местных жителей.

Я только начала разбирать коробки, когда он оседлал мотоцикл и отправился прошвырнуться. Иногда Филипп отсутствовал до утра, со временем стал исчезать на неделю-две-три. А однажды не вернулся. Жандармы не поняли, почему я так долго не заявляла об исчезновении мужа. Мне не пришло в голову объяснить, что он «испарился» много лет назад – в те времена, когда еще ужинал за моим столом. Через месяц, осознав, что Филипп точно не вернется, я почувствовала себя одинокой, как выморочная могила. Такой же серой, тусклой, расшатанной. Готовой, чтобы меня разъяли на части, а останки запихнули в оссуарий.

⁶ Жан-Жак Гольдман (род. в 1951 г.) – один из самых популярных французских авторов-исполнителей.

⁷ Франсис Кабрель (род. 1953 г.) – исполнитель, композитор и автор песен.

5

Книга жизни послана нам свыше, ее не дано закрывать и открывать самовластно.

Возжелаешь вернуться к странице любви – глядь, и оказался на странице смерти.

Я встретила Филиппа Туссена в 1985 году в Шарлевиль-Мезьере, в ночном клубе «Тибурен».

Он сидел у стойки бара. Я наливала. Соврав насчет возраста, можно получить немудрящую работу: сосед по общежитию, мой приятель, подделал бумаги, превратив меня в совершеннолетнюю.

Я всегда была человеком без возраста, мне давали и четырнадцать, и двадцать пять. Носила исключительно джинсы и футболки, короткую стрижку и колечки не только в ушах, но повсюду – даже в носу, была тоненькой и красила глаза в стиле Нины Хаген⁸. Школу я бросила, не научившись толком ни читать, ни писать. Зато умела считать. Я успела прожить множество жизней и работала лишь для того, чтобы как можно скорее уйти из общежития, найти жилье и самой за него платить.

В 1985-м ровными у меня были только зубы. В детстве я жаждала занять такую же ослепительную улыбку, как у моделей из глянцевого журналов. Когда сотрудницы опеки инспектировали мои приемные семьи и спрашивали, в чем я нуждаюсь, ответ был неизменным: «Хочу к стоматологу!» – как будто вся их последующая жизнь зависела от того, насколько безупречной будет моя улыбка.

Подружек у меня не было – я слишком походила на мальчика и потому в каждой новой семье привязывалась к названным сестрам, но неизменные расставания, терзавшие душу, выработали жесткую установку: *никогда ни к кому не привыкай*. Я считала, что бритая наголо голова защитит меня, придаст мальчишечьей дерзости и стойкости. Неудивительно, что девочки меня сторонились. Я занималась любовью, чтобы быть «как все», но ничего возвышенного в так называемой любви не находила и удовольствия не получала. Зачем я это делала? Мечтала о переменах, хотела получить новую шмотку, косячок, приглашение на вечеринку, ощутить тепло чужой ладони. И больше всего жаждала любви, «как в сказках»: «Они обвенчались и завели много, много, много...»

Итак, Филипп Туссен сидел спиной к стойке, пил виски-колу без льда и наблюдал за приятелями на танцполе. Внешне он напоминал ангела. Этакое Мишеля Берже⁹ в цвете. Длинные блондинистые кудри, голубые глаза, светлая кожа, орлиный нос, алые губы, напоминающие июльскую зрелую клубничину. Он был в джинсах, белой футболке и черной кожаной куртке. Высокий, атлетически сложенный, идеальный. При первом же взгляде на Филиппа сердце ухнуло вниз, как поет мой воображаемый родственник дядюшка Шарль Трене. От меня он все получит даром – даже любимую выпивку.

Вокруг красавчика вились очаровательные блондинки. Кружили, как мухи вокруг тухлятины, но он изображал полное безразличие, зная, что ему достаточно моргнуть, и все желания будут исполнены.

⁸ Нина Хаген (наст. имя Катарина; род. в 1955 г.) – немецкая певица, панк-рок-музыкант, автор песен, актриса.

⁹ Мишель Берже (наст. имя Мишель Жан Амбюрже; 1947–1992) – французский певец, композитор, продюсер и автор песен.

Я видела только золотистые кудри, то и дело менявшие цвет – зеленый-красный-синий – под лучами софитов. Так прошел час. Иногда он наклонялся к очередной обожательнице, шептавшей ему на ухо нежные слова, и являл мне совершенный профиль.

А потом повернулся, посмотрел на меня – и больше не отводил взгляда. С этого момента я стала его любимой игрушкой.

Сначала я решила, что интересую его, потому что все время бесплатно подливаю в стакан спиртное. Я старалась, чтобы он не заметил моих обгрызенных ногтей и видел только ровные белые зубы. Красавчик выглядел как парень из хорошей семьи. Тогда все, кроме ребят из общежития, казались мне «золотой молодежью».

Вокруг незнакомца образовался затор из наивных девиц, совсем как на Дороге солнца¹⁰, где в выходные собирается море машин, но он продолжал пялиться на меня, не скрывая вожделения. Я прислонилась к бару, решив удостовериться, что не ошибаюсь, вставила в стакан соломинку и подняла глаза. Спросила: «Хотите чего-нибудь другого?», не расслышала ответа, нагнулась и крикнула: «Ну так что?» Он шепнул мне на ухо: «Хочу тебя...»

Я убедилась, что хозяин не смотрит в нашу сторону, и плеснула себе бурбона. После первого глотка перестала краснеть, сделала второй и отлично себя почувствовала, третий окрылил меня, придал храбрости. «Когда освобожусь, можем выпить по стаканчику».

Он сверкнул белозубой улыбкой.

Филипп Туссен протянул руку, коснулся моих пальцев, и я поняла, что моя жизнь изменится. Почувствовала кожей. Филипп Туссен был старше меня на десять лет, и разница в годах придавала ему значительности. Я уподобилась бабочке, глядящей на звезду.

¹⁰ Автомагистраль А6 (Париж – Лион) вместе с автомагистралью А7 (Лион – Марсель) образует так называемую Дорогу солнца.

6

Ведь час наступает, когда все, кто в могилах, услышат голос Его и покинут могилы¹¹.

К моему дому можно подойти с двух сторон. Элиана затыкала и потрусила к двери, выходящей на улицу. Ее хозяйка Марианна Ферри (1953–2007) лежит на участке «Бересклеты». Элиана появилась на кладбище в день похорон и больше не уходила. Несколько первых недель я кормила ее на могиле хозяйки. Через какое-то время она стала провожать меня до дома и прижилась. Имя ей дал Ноно – Элианой звали героиню Изабель Аджани в «Убийственном лете»¹², а у этой собаки были голубые глаза, и ее хозяйка умерла в августе.

За двадцать лет на моем кладбище одновременно с хозяевами появились три пса и стали моими – в силу обстоятельств. Теперь у меня только Элиана.

Снова стучат в дверь. Сомневаюсь, стоит ли открывать – на часах семь утра. Я пью чай, мажу тосты соленым маслом и клубничным вареньем, его мне подарила Сюзанна Клерк, чей муж (1933–2007) покоится на участке «Кедры». Я слушаю музыку. В свободные от работы часы я всегда ее слушаю.

Встаю. Выключаю радио. Спрашиваю:

– Кто там?

Негромкий мужской голос отвечает:

– Извините, мадам. Я увидел свет и...

Слышу, как визитер вытирает ноги о половик.

– Мне нужно справиться о человеке, который здесь похоронен.

Я могла бы напомнить, что мы начинаем работать в восемь утра, и отослать его.

– Сейчас, подождите две минуты.

Я поднимаюсь в спальню, открываю зимний шкаф. Снимаю с вешалки халат и одеваюсь. У меня два шкафа, я называю их «зима» и «лето». К временам года это отношения не имеет – только к обстоятельствам. В зимнем висит классическая одежда темных цветов, она для чужих глаз. В летнем я держу светлые и яркие вещи, предназначенные исключительно для моих. Я ношу «лето» под «зимой» и снимаю ее, когда остаюсь одна.

Итак, я надеваю серый стеганный халат поверх розового шелкового дезабилье, спускаюсь, отпираю дверь и обнаруживаю на пороге незнакомца лет сорока. На меня смотрят черные глаза.

– Здравствуйте, простите, что побеспокоил так рано.

На улице еще темно и холодно. Ночь подморозила землю. Мужчина выдыхает пар, похожий на дымок от сигареты. От посетителя пахнет табаком, корицей и ванилью.

Я лишилась дара речи. Так бывает, когда неожиданно встречаешь человека, с которым давно не виделся. Поздно он появился в моей жизни. Двадцать лет назад *все* могло получиться иначе. Что за странная мысль? Откуда такое удивление? Неужели дело в том, что миллион лет никто, кроме пьяных подростков, не стучал в дверь с улицы, все посетители приходят со стороны кладбища?

Я впускаю «гостя», он смущенно благодарит, за что получает чашку кофе.

В Брансьон-ан-Шалоне я знаю всех. Даже те, кто еще не хоронил у меня никого из близких, хоть раз да прошли по аллее, провожая в последний путь друга, соседа, мать коллеги.

Этого человека я вижу впервые. В его речи слышен едва уловимый средиземноморский акцент, он иначе интонирует фразу. У мужчины темные волосы, настолько темные, что едва

¹¹ Евангелие от Иоанна, 5:28.

¹² Кинофильм по роману Себастьяна Жапризо (1983 г.).

тронувшая виски седина резко выделяется на их фоне. У него крупный нос, мясистые губы и мешки под глазами. Он немножко похож на Сержа Генсбура: не дружит с бритвой, но обаяния – море. Я замечаю красивые руки с длинными пальцами, он греет их о чашку, дует на кофе и пьет мелкими глотками.

Не знаю, зачем он явился, я впустила его в дом, потому что эта комната не совсем моя, она принадлежит всем. Можно сказать, что я превратила муниципальный зал ожидания в гостиную, совмещенную с кухней. Все случайные люди и завсегдатаи имеют право на «входной билет».

Мужчина оглядывается по сторонам. Комната в двадцать пять квадратных метров выглядит как мой зимний шкаф. Пустые стены. Нет ни цветастой скатерти, ни синего дивана, только клееная фанера и стулья. Ничего лишнего, показного. Кофеварка, белые чашки и крепкие спиртные напитки – для безнадежных случаев. Здесь я выслушиваю откровения, на меня выплескиваются слезы и гневное отчаяние, сюда доносится веселый смех могильщиков.

Моя спальня находится на втором этаже, и на этот «тайный задний двор» ходу нет никому. Спальня и ванная – две бонбоньерки в пастельных тонах. Розовый пудровый, зеленый миндальный и небесно-голубой создают весеннее настроение. С первым лучом солнца я распахиваю окна настежь, не опасаясь, что снизу кто-нибудь меня заметит.

Никто не удостоился чести взглянуть на мою спальню в ее нынешнем виде. Сразу после исчезновения Филиппа Туссена я ее перекрасила, повесила кружевной тюль и новые шторы, поставила белую мебель и широкую кровать со швейцарским матрасом, обнимающим тело спящего. Мое, и только мое тело.

Незнакомец допивает кофе и говорит:

- Я из Марселя. Бывали там?
- Я каждый год езжу в Сормиу.
- В бухточку?
- Да.
- Забавное совпадение.
- Я не верю в совпадения.

Он что-то ищет в кармане джинсов. Мои мужчины не носят джинсов. Ноно, Элвис и Гастон ходят в голубых рабочих комбинезонах, а братья Луччини и отец Седрик – в перкалевых брюках.

Незнакомец разматывает шарф, ставит на стол пустую чашку.

- Мы с вами похожи, я тоже довольно рациональный человек. И комиссар.
- Коломбо?
- Нет... – Он впервые улыбается. – Тот был инспектором.

Он собирает указательным пальцем сахарные крошки, рассыпавшиеся по столу.

- Моя мать – по непонятной причине – изъявила желание покоиться на этом кладбище.
- Она живет поблизости?
- Нет, в Марселе. Она умерла два месяца назад, успев изъявить последнюю волю.
- Сочувствую... Хотите капельку алкоголя в кофе?
- Вы всегда подпиваете людей с раннего утра?
- Случается. Как зовут вашу мать?
- Ирен Файоль. Она завещала, чтобы ее кремировали... а урну поставили на могиле неко-

его Габриэля Прюдана.

- Прюдана? Габриэль Прюдан, 1931–2009. Аллея 19, участок «Кедры».
- Вы помните имена всех обитателей кладбища?
- Почти...
- И дату смерти, и место?
- Аналогично.

– Кем был этот Габриэль Прюдан?

– На могилу время от времени приходит женщина... Думаю, дочь. Он был адвокатом. На черной мраморной плите нет ни портрета, ни эпитафии. Дня похорон я не помню, но могу заглянуть в регистрационный журнал – если хотите.

– Вы все записываете?

– То, что касается похорон и эксгумаций.

– Не знал, что это входит в ваши обязанности.

– Не входит. Но жизнь стала бы очень скучной, делай мы лишь то, что положено.

– Забавно слышать такое из уст... как называется ваша должность? «Смотритель кладбища»?

– Почему? Вы считали, что я с утра до вечера лью слезы? Что я создана из рыданий и печали?

Я доливаю ему кофе, а он спрашивает, повторив вопрос дважды:

– Вы живете одна?

Я киваю.

Открываю ящики, нахожу тетрадь за 2009 год. Ищу и сразу нахожу фамилию: Прюдан, Габриэль. Начинаю читать:

18 февраля 2009-го, похороны Габриэля Прюдана, проливной дождь.

Присутствовало сто двадцать восемь человек, в том числе бывшая жена и две дочери – Марта Дюбрёй и Хлоэ Прюдан.

По желанию усопшего ни цветов, ни венков.

Семья установила табличку, на которой написано:

В знак уважения к
Габриэлю Прюдану,
храброму адвокату.

«Смелость для адвоката важнее всего, без нее остальное не имеет смысла. Талант, культура, знание законов полезны, но без смелости в решающий момент остаются только слова, пустые фразы, которые вспыхивают и умирают».

Робер Бадинтер¹³.

Ни кюре, ни распятия. Кортёж пробыл на месте полчаса. Когда два служащих похоронного бюро опустили гроб в могилу, все разошлись. Дождь лил как из ведра.

Я закрываю тетрадь. Комиссар выглядит изумленным, он погружен в свои мысли, машинальным жестом приглаживает волосы.

– Не понимаю, почему моя мать хочет лежать рядом с этим человеком.

Его взгляд скользит по белым стенам, он смотрит на меня, как будто не верит своим ушам, спрашивает, кивком указав на мои записи:

– Можно я почитаю?

Вообще-то, я доверяю только родственникам, но после недолгих колебаний подталкиваю к нему тетрадь, и он начинает листать страницы, то и дело поднимая глаза, как будто у меня на лбу тоже что-то написано о событиях 2009 года. Может показаться, что тетрадь – всего лишь предлог, чтобы получше рассмотреть меня.

– Вы описываете все похороны?

¹³ Робер Бадинтер (род. в 1928 г.) – французский юрист, политик и писатель. Занимая пост министра юстиции при президенте Франсуа Миттеране, он внес в парламент законопроект, который отменил смертную казнь за все преступления. Был принят после жарких дебатов 30 сентября 1981 года.

– Почти все. Те, кто не сумел поприсутствовать, заходят сюда, и я рассказываю, как все прошло, опираясь на заметки... Вы уже кого-нибудь убили? Я имею в виду злоумышленника, преступника?

– Нет.

– У вас есть пистолет?

– Конечно, но я беру его только на задания. Но сегодня пистолета при мне нет.

– Вы привезли урну с прахом?

– Нет. Оставил в крематории. На время... Пока не решу, стоит ли выполнять желание матери.

– Он незнакомец для вас, не для нее.

Комиссар встает.

– Могу я увидеть могилу?

– Конечно. Возвращайтесь через полчаса. Я никогда не разгуливаю по моему кладбищу в халате.

Он улыбается – второй раз за время нашего странного свидания – и выходит за дверь. Я зажигаю свет. Рефлекторно. Я никогда не делаю этого, когда кто-то входит в комнату, только когда выходят. Свет восполняет отсутствие. Старая привычка ребенка без роду-племени.

Через тридцать минут он ждет меня в машине, припаркованной у ворот. На номерном знаке написано: Буш-дю-Рон, 13. Кажется, мой полицейский гость успел вздремнуть – на щеке отпечатался след шарфа.

Я надела темно-синее пальто на алое платье и застегнулась на все пуговицы, до самой шеи. Стала как ночь, скрывающая лето. Не хотела изумлять чужого человека.

Мы шли по аллеям, и я рассказывала: кладбище разбито на четыре крыла: «Лавры», «Бересклет», «Кедры» и «Тис», у нас два колумбария и два Сада Воспоминаний. Он спрашивает, как долго я занимаюсь «этим». Я отвечаю: «Двадцать лет». Говорю, что раньше была дежурной по переезду. Он интересуется, каково это – сменить поезда на катаfalки? Не знаю, как объяснить. Слишком много всего случилось между двумя жизнями. Станные вопросы для рационального комиссара.

Мы наконец дошли до могилы Габриэля Прюдана. Комиссар вдруг побледнел, словно пытался собраться с мыслями на могиле незнакомца, который мог оказаться его отцом, дядей, братом. Мы долго молчали, не двигаясь с места, потом я не выдержала – потеряла замерзшие ладони.

У меня есть правило: я никогда не составляю компанию посетителям. Отвожу их к могиле и удаляюсь, но этого человека почему-то не могу оставить одного. Через минуту, показавшуюся мне вечностью, он сообщает, что возвращается в Марсель. На вопрос: «Когда вернетесь с урной?» – ответа я не получаю.

7

*Мне всегда будет недоставать человека, чья улыбка освещала мою
жизнь.
Тебя.*

Я пересаживала цветы на могиле Жаклин Виктор Дансуан (1928–2008) и Мориса Рене Дансуана (1911–1997). Красивый белый верещатник похож на два обломка морского утеса, помещенные в горшок. Это растение хладостойкое, как хризантемы и суккуленты. Мадам Дансуан любила белые цветы. Она каждую неделю навещала могилу мужа. Мы болтали, но общаться начали, когда Жаклин немножко отошла душой. В первые годы она чувствовала себя уничтоженной. Несчастье либо отбивает у человека желание разговаривать, либо делает его не в меру болтливым. Постепенно Жаклин снова научилась складывать слова в простые фразы, интересоваться новостями окружающих, то есть живых.

Не знаю, почему говорят «на могиле», по-моему, «у края могилы» или «напротив могилы» звучит логичнее. *На* могилу наступают плющ, ящерики, коты и собаки. Мадам Дансуан часто бывала на кладбище. После ее смерти дети приходят раз в год и всегда просят меня «не оставить родителей вниманием».

Бледное солнце октябрьского дня никак не раскошегарится, руки у меня замерзли, но я с удовольствием рыхлю землю пальцами, как делаю в своем саду.

В нескольких метрах от меня Гастон и Ноно копают могилу и рассказывают, как провели вечер. Ветер доносит обрывки фраз: «А жена мне и говорит... по телику... зуд... не стоило бы... шеф появится... оmlет у Виолетты... я его знал... хороший был парень... кудрявый такой, да?.. Да, он наш ровесник... это было мило... его жена... ломака... песня Брежнев... нечего изображать богачей, если в карманах пусто... ссать хочется до ужаса... страх... простата... успеть бы в магазин до закрытия... яйца для Виолетты... вот ведь несчастье...»

Завтра у нас похороны. В 16.00. Новый *резидент* пропишется на кладбище. Мужчина пятидесяти пяти лет умер из-за того, что слишком много курил. Так сказали врачи. Они никогда не признают, что человек может уйти из жизни, если его не любят, не слышат, если пришло слишком много счетов, если переборщил с кредитами, если дети выросли и покинули родительский дом, не простившись. Мужчин губит жизнь, сотканная из упреков и неудач. Конечно, он курит и выпивает, чтобы разогнать тоску, иначе и удавиться недолго.

Пожалуй, есть одна-единственная вещь, от которой еще никто не умирал, – смех.

Чуть дальше на аллее две дамы-коротышки, мадам Пинто и мадам Дегранж, убирают могилы своих мужей. Они приходят каждый день, поэтому им приходится придумывать, что бы еще вычистить, наведенный порядок напоминает обстановку магазина, торгующего ковровыми покрытиями и паркетом.

Люди, ежедневно навещающие усопших, сами похожи на призраков, застрявших между жизнью и смертью.

Мадам Пинто и мадам Дегранж худобой напоминают зимних воробышков. Можно подумать, что их кормили мужья, пока были живы. Я знаю обеих с тех пор, как начала работать на кладбище. Больше двадцати лет они каждое утро отправляются за покупками и обязательно заворачивают ко мне. Не знаю, что это, любовь или зависимость. Или и то и другое, вместе взятое. Не уверена, притворяются дамы или их нежность к ушедшим спутникам жизни неподдельна.

Мадам Пинто – португалка и, как и большинство соотечественников, живущих в Брансьоне, проводит лето на родине, и по возвращении ей есть чем заняться. В начале сентября она приезжает – такая же худая, но дочерна загорелая и со сбитыми коленями. В Португалии

мадам Пинто приводит в должный вид захоронения родных и друзей. В ее отсутствие я поливаю цветы, а она в знак благодарности дарит мне пластиковую коробку с куколкой в национальном костюме. Каждый год, получив сувенир, я говорю: «Спасибо, мадам Пинто, спасибо большое, право, НЕ СТОИЛО, цветы для меня не труд, а удовольствие!»

В Португалии сотни фольклорных костюмов. Значит, если мадам Пинто продержится на этом свете еще тридцать лет, я получу еще тридцать жутких кукол с закрывающимися глазами.

Время от времени мадам Пинто посещает меня, поэтому убрать их совсем я не могу. Но не держать же этих страшил в спальне! В комнате, куда заходят люди в поисках утешения, им тоже не место, вот я и устроила экспозицию на ступеньках лестницы, ведущей на второй этаж. Она находится за стеклянной дверью и видна из кухни. Заглянув выпить кофе, мадам Пинто обязательно бросает взгляд на свои подарки, желая убедиться, что они занимают положенные им места. Зимой темнеет рано, к пяти часам, и в сумеречном свете черные глаза кукол блестят, как у живых существ, оборки платьев топорщатся, и я воображаю, что вот сейчас они вырвутся из своих прозрачных плексовых саркофагов, сделают мне подсечку, и я покачусь вниз. Пересчитывая боками ступени.

В отличие от многих других вдов, мадам Пинто и мадам Дегранж никогда не разговаривают с мужьями. Они убираются молча, словно перестали общаться еще при жизни. Молчание этих женщин олицетворяет собой неразрывность связи с супругами. А еще они не плачут. Их глаза высохли миллион лет назад. Иногда дам «прорывает», и начинается беседа о погоде, детях, внуках и – можете себе представить? – правнуках!

Один раз я видела, как они смеются. Один разочек. Мадам Пинто рассказала мадам Дегранж, что внучка задала ей вопрос: «Бабуля, а что это – Туссен? Каникулы?» – и обе захихикали.

8

*Да будет твой покой столь же блаженным, сколь добрым было
твое сердце.*

22 ноября 2016-го, голубое небо, десять градусов, 16.00. Похороны Тьерри Тесье (1960–2016). Гроб из красного дерева. Никакого мрамора. Могилу выкопали прямо в земле.

Присутствуют человек тридцать, в том числе Ноно, Элвис, Пьер Луччини и я. Пятнадцать коллег Тьерри Тесье из компании DIM возложили венок из лилий. На ленте надпись: «Нашему дорогому коллеге».

Сотрудница онкологической службы Макона – ее зовут Клер – держит в руках букет белых роз.

Рядом с женой усопшего стоят ее дети, дочери лет тридцать, сыну двадцать пять. На табличке они попросили сделать надпись: «Нашему отцу».

Фотографии Тьерри Тесье нет.

Еще одна гласит: «Моему мужу». Над словом «муж» – маленькая птичка, славка.

В землю вкопан большой крест, вырезанный из оливы.

Три лицейских товарища Тесье по очереди читают стихотворение Жака Превера:

Кот и птица

В деревне мрачные лица:
Смертельно ранена птица.
Эту единственную проживающую в деревне птицу
Единственный проживающий в деревне кот
Сожрал наполовину.
И она не поет.
А кот, облизав окровавленный рот,
Сыто урчит и мурлычет... И вот
Птица умирает.
И деревня решает
Устроить ей похороны, на которые кот
Приглашен, он за маленьким гробом идет.
Гроб девочка тащит и громко рыдает.
«О, если б я знал, – говорит ей кот, —
Что смерть этой птицы
Причинит тебе горе,
Я съел бы ее целиком...
А потом
Сказал бы тебе, что за синее море,
Туда, где кончается белый свет,
Туда, откуда возврата нет,
Она улетела, навек улетела,
И ты бы меньше грустила, и вскоре
Исчезла бы грусть
С твоего лица...»

Что ни говорите, а всякое дело

Надо доводить до конца!¹⁴

Слово берет отец Седрик:

– Давайте вспомним, что Господь наш Иисус Христос сказал сестре упокоившегося Лазаря: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет»¹⁵.

Клер кладет букет белых роз к подножию креста. И все расходятся.

Я не знала Тьерри Тесье, но, если судить по горестному выражению лиц, он был добрым и хорошим человеком.

¹⁴ Перевод с французского М. Кудинова.

¹⁵ От Иоанна, 11:25.

9

Его красота, его молодость улыбались миру, в котором он будто бы жил.

Потом из его рук выпала книга, из которой он не прочел ни страницы.

По моему кладбищу рассеяно множество фотографий. Черно-белые, сепированные, цветные, современные и старинные. В тот день, когда была сделана каждая, никто из позировавших мужчин, детей, женщин и подумать не мог, что запечатленное мгновение будет представлять их в Вечности. Нас снимают на дне рождения и семейном обеде. Во время воскресной прогулки по парку, выпускного бала, свадебного пира, празднования Нового года. Фотограф ловит момент, когда человек выглядит чуть красивее обычного. Выбирает день, когда все собираются вместе, особый день, в который модель блещет элегантностью. В военном мундире, крестильной рубашечке или платье для первого причастия. И сколько же невинности во взгляде всех, кто улыбается нам с могильных памятников...

Часто накануне похорон в местной газете появляется некролог. Всего несколько фраз о жизни усопшего. Жизнеописание человека умещается в одной колонке. Чуть больше, если умирает коммерсант, врач или футбольный тренер.

Очень важно помещать на памятники фотографии, иначе остаются только имя, фамилия и даты. Смерть забирает у людей лица.

Красивейшая пара моего кладбища – Анна Лав Даан (1914–1987) и Бенжамен Даан (1912–1992). Они смотрят с обновленной – раскрашенной – свадебной фотографии, сделанной в 30-х годах. Два изумительных лица улыбаются фотографу. Она, солнечная блондинка с прозрачной кожей. Он, с лицом, словно бы вышедшим из-под резца гениального скульптора. Глаза супругов сверкают, как звездчатые сапфиры. Их улыбки – подарок Вечности.

В январе я протираю фотографии заброшенных или редко посещаемых могил. Мочу тряпку в воде пополам со спиртом, а для табличек добавляю в воду винный уксус.

Работа занимает пять-шесть недель. Если Ноно, Гастон и Элвис предлагают свою помощь, я отказываюсь. Говорю: «Вам и так работы хватает!»

Я не услышала, как он подошел. Подобное редко случается. Шаги по гравию я улавливаю сразу и различаю, кто идет – мужчина, женщина или ребенок. Случайный прохожий или завсегдатай. Этот человек ступает бесшумно.

Я начищаю девять лиц семьи Эсм – Этьена (1876–1915), Лоррен (1887–1928), Франсуазы (1949–2000), Жилия (1961–1993), Изабель (1969–2001), Фабриса (1972–2003), Себастьяна (1974–2011) – и вдруг чувствую спиной его взгляд. Оборачиваюсь. Не сразу узнаю лицо – он стоит против света.

И, только услышав голос – «Здравствуйте!» – понимаю, кто это. С запозданием на две-три секунды меня догоняет аромат корицы и ванили. Я не думала, что он вернется. Прошло два месяца с его первого появления перед моей дверью, выходящей на улицу. Сердце ускоряет темп. Шепчет: «Берегись...»

После исчезновения Филиппа Туссена ни один мужчина не заставлял мое сердце биться сильнее. После Филиппа Туссена оно не меняет ритм, совсем как старые, беспечно тикающие ходики.

Темп ускоряется только в День Всех Святых: бывает, я продаю аж сто горшков хризантем, вожу по кладбищам случайных посетителей, которые могут заблудиться в аллеях. Но сегодня мое сердце ведет себя... нетривиально. Из-за *него*. Кажется, я боюсь.

Стою с тряпкой в руке, а он смотрит на фотографии, которые я протираю, и робко улыбается.

– Это ваши родные?

– Нет, я просто делаю свою работу. – Слова теснятся в голове, не желают складываться во фразы. – В семье Эсм люди умирают молодыми. У них аллергия на жизнь, она отталкивает их. Он кивает, застегивает верхнюю пуговицу пальто и снова улыбается:

– Холодно тут у вас.

– Да уж холоднее, чем в Марселе.

– Вы были там этим летом?

– Как и каждый год. Там я вижу с дочерью.

– Она живет в Марселе?

– Нет. Путешествует по миру.

– Чем она занимается?

– Практикует волшебство. Профессионально.

На склеп семейства Эсм садится молодой дрозд и заводит громкую песню. Мне не хочется продолжать работу. Я выливаю воду из ведра на гравий, складываю внутрь тряпки и спирт. Когда я наклоняюсь, полы длинного серого пальто расходятся, приоткрыв алое, в цветах, платье. Комиссар успевает увидеть мой секрет – приметливый, не то что другие.

Я хочу отвлечь его внимание и напоминаю:

– Вы должны получить разрешение семьи, чтобы поставить урну с прахом матери на могиле Габриэля Прюдана.

– Не должен. Перед смертью он сделал распоряжение – заявил в мэрии, что мама будет покоиться рядом с ним... Они все предусмотрели.

Комиссар чувствует неловкость. Трет плохо выбритые щеки. Рук его я не вижу – он в перчатках. Взгляд задерживается на мне чуть дольше положенного.

– У меня есть просьба, – говорит он наконец. – Организуйте для моей матери нечто вроде праздника без праздника.

Дрозд улетел. Его напугала Элиана, подбежавшая, чтобы приласкаться.

– Я этим не занимаюсь. Обратитесь в похоронное бюро братьев Луччини, оно находится на улице Республики.

– Похоронное бюро пусть занимается похоронами! Мне нужно, чтобы вы помогли сочинить короткую речь для того дня, когда я привезу мамин прах. На «церемонии» никого не будет. Только она и я... Хочу сказать несколько слов, которые останутся между нами.

Он наклоняется, чтобы приласкать Элиану, и продолжает, глядя на нее, а не на меня:

– Я обратил внимание, что в регистрационных, то есть в похоронных журналах записаны речи, которые люди произносят у могилы. Что, если я возьму по паре фраз из разных... выступлений и напишу посвящение матери?

Он проводит рукой по волосам. Седины в них больше, чем в первую нашу встречу. Возможно, все дело в свете. Сегодня небо голубое, поэтому свет белый, а тогда оно висело низко над землей и хмурилось.

Мимо нас проходит мадам Пинто. Здоровается, бросает недоверчивый взгляд на комиссара. В наших местах, когда в дверь, калитку или ворота входит незнакомец, его сразу начинают в чем-то подозревать. На всякий случай.

– В 16.00 у нас похороны. Приходите ко мне в 19.00, и мы вместе напишем несколько строк.

Он явно испытывает облегчение, достает из кармана пачку сигарет, но не закуривает – спрашивает, где находится ближайший отель.

– В двадцати пяти километрах отсюда. Но за церковью стоит домик с красными ставнями, там живет мадам Бреан, она сдает комнату, которая всегда свободна.

Он меня не слышит – задумался о чем-то своем, потом говорит:

– Брансьон-ан-Шалон... Кажется, здесь произошла драма?

– Нас окружают драмы. Каждая смерть чья-нибудь драма.

Комиссар пытается вспомнить, но не может. Дует на пальцы, бормочет: «До скорого...», «Спасибо большое!» – и бесшумными шагами идет по центральной аллее к ограде.

Мимо снова шествует мадам Пинто с лейкой. За ее спиной я вижу Клер, сотрудницу онкологического центра в Маконе, она направляется к могиле Тьерри Тесье, несет розу в горшке. Я догоняю ее.

– Здравствуйте, мадам, – говорит она. – Вот, хочу посадить этот кустик на могиле мсье Тесье.

Я зову Ноно. Он в домике, где могильщики переодеваются, принимают душ и стирают комбинезоны. Ноно уверяет, что запах смерти не цепляется к его одежде, но ни одно моющее средство не способно избавить от грязи его башку.

Ноно начинает копать, следуя указаниям Клер, а Элвис поет: *Alwaysonmymind, alwaysonmymind...*¹⁶ Ноно подсыпает торфа, втыкает подпорку, чтобы роза росла прямо. Он сообщает Клер, что знал Тьерри и тот был отличным парнем.

Клер хотела дать мне денег, чтобы я время от времени поливала розовый кустик. Я пообещала ухаживать за цветами, но денег не взяла, потому что никогда этого не делаю.

– Бросьте монетки в копилку. Божья коровка стоит на холодильнике в моей кухне. На пожертвования я покупаю еду кладбищенским зверушкам.

– Хорошо, мадам Туссен. Знаете, я никогда не хожу на похороны пациентов, но Тьерри Тесье был очень милым человеком, нехорошо, если он будет лежать... как на пустоши! Я выбрала красную розу – она символизирует любовь, пусть составит ему компанию.

Я отвела Клер к могиле Жюльет Монтраше (1898–1962), одной из самых красивых на нашем кладбище. Вокруг растут цветы и кустарник, за которыми никто не ухаживает, но своей гармонией они радуют глаз в любое время года. Могила-сад. Случай и природа любовно договорились, и получилось чудо.

– Все эти цветы – лестница в небо, – сказала Клер и поблагодарила меня. Она зашла выпить стакан воды, затолкала несколько банкнот в щель копилки и удалилась.

¹⁶ «*Alwayson My Mind*» (англ.) – «Всегда в моих мыслях». Песня в стиле кантри, написанная Джонни Кристофером, Марком Джеймсом и Уэйном Карсоном. Впервые была записана в 1972 году Брендой Ли, а также Элвисом Пресли.

10

*Говорить о тебе – значит заставлять тебя жить.
Молчание равносильно забвению.*

Я встретила Филиппа Туссена 28 июля 1985 года, в день смерти гениального сценариста Мишеля Одиара¹⁷. Может, поэтому нам с Филиппом почти не о чем было говорить. Диалоги выходили плоские, как энцефалограмма Тутанхамона. Он спросил: «Выпьем у меня?» – и я сразу согласилась.

Уходя из «Тибурена», я чувствовала на себе взгляды других девушек, топтавшихся у него за спиной с того момента, как он повернулся и посмотрел на меня. Их густо накрашенные глаза проклинали, осуждали на смерть, пока не умолкла музыка.

Я ответила: «Да» – и очутилась на мотоцикле в слишком большом шлеме на голове. Его рука легла на мое левое колено. Я закрыла глаза. Пошел дождь, и по моему лицу потекли капли.

Родители снимали Филиппу студию в центре Шарлевиль-Мезьера. Мы поднимались по лестнице, и я прятала пальцы с обгрызенными ногтями, втягивая ладони в рукава.

Мы вошли, и он набросился на меня, не сказав ни слова. Молчала и я. Красота Филиппа Туссена завораживала, как рассказ учительницы о «голубом периоде»¹⁸ Пикассо. От картин в альбоме у меня перехватило дыхание, и я решила, что остаток жизни проживу в голубом цвете.

Мы занимались любовью жадно и весело, и мое тело познало невероятное наслаждение. Я впервые отдавала себя «за просто так», а не в обмен на что-то, и надеялась, что будет следующий раз. Я осталась ночевать, и наутро моя мечта исполнилась. Прошел день, другой, третий. Все смешалось, дни перепутались. Моя память больше не различает мелькающих мимо переезда вагонов – я помню лишь путешествие.

Филипп Туссен превратил меня в созерцательницу. В девочку, восхищенно глядящую на снимок голубоглазого блондина в глянцево-журнале и думающую: *Он мой, я могу спрятать его в карман.*

Я часами ласкала Филиппа, моя рука все время блуждала по его телу. Говорят, из красоты салата не сделаешь. Я поглощала красоту Филиппа на закуску, в качестве основного блюда и десерта. Если предлагалась «добавка», я не отказывалась. А он... позволял, ему нравилось владеть мною, все остальное не имело значения.

Я влюбилась. К счастью, у меня никогда не было семьи: я неизбежно бросила бы родных ради любовника. Филипп Туссен стал центром моего существования. Все чувства я направила на него. Если бы мне предложили поселиться внутри Филиппа, я бы согласилась без колебаний.

Однажды утром он предложил: «Переселяйся ко мне...» Три слова решили мою судьбу. Я сбежала из общежития втихаря, потому что была несовершеннолетней, и вошла в дом Филиппа с одним чемоданом, куда уместилось все мое тогдашнее имущество. Кое-какая одежда и первая кукла по имени Каролина. Она разговаривала, когда была новая («Здравствуй, мама, меня зовут Каролина, поиграй со мной...», потом смеялась), но батарейки разрядились, а путешествия из одной приемной семьи в другую, служба опеки и нудеж соцработниц лишили ее голоса. Я взяла с собой школьные фотографии и несколько пластинок на 33 оборота: *Mythomane* и *La Notte, la Notte* французского певца, выходца из Алжира Этьена Дао, диск французской рок-группы «Индокитай», визитную карточку певца и композитора Шарля Трене

¹⁷ Мишель Одиар (1920–1985) – французский сценарист, писатель, кинорежиссер.

¹⁸ Период творчества художника, сопряженный со многими трудностями, в том числе с самоубийством близкого друга Карлоса Касагемаса. В этих обстоятельствах в начале 1902 года Пикассо стал писать в стиле, по которому период творчества художника в Барселоне в 1903–1904 годах был назван «голубым». В палитре мастера преобладают голубые оттенки, ярко выражены темы старости и смерти, характерны образы нищеты, меланхолии, печали.

«Море», написанную в 1943 году, а еще пять комиксов о Тинтине (*Голубой лотос*, *Драгоценности Кастафьоре*, *Скипетр Оттокара*, *Тинтин и Пикаросы*, *Храм солнца*) и жалкий портфельчик, на котором расписались мои дружки-лодыри (Лоло, Сика, Со, Стеф, Манон, Иза, Анжело).

Филипп Туссен выделил мне место в шкафу и сказал:

– А ты забавная девчонка.

Я не желала разговаривать. Мне хотелось совсем другого.

Так вышло, что мы и потом были немногословны.

11

Укачай его самой нежной из твоих песен.

В моем стакане с портвейном плавает муха. Я вылавливаю ее и кладу на отлив окна, закрываю створку и вижу комиссара, поднимающегося по улице. Свет фонарей падает на воротник его пальто. Дорога, ведущая к кладбищу, обсажена деревьями. Внизу стоит церковь отца Седрика, за ней – несколько улиц центра города. Комиссар шагает быстро. Он выглядит совершенно замерзшим.

Хочу быть одна. Как и каждый вечер. Ни с кем не говорить. Читать, слушать радио, нежиться в ванне. Закрывать ставни. Облачиться в розовое шелковое кимоно. Ощутить покой и благодать.

Все время после закрытия кладбища принадлежит только мне. Я его единоличный властитель. Такая роскошь доступна лишь тем, кто не делит время с окружающими. И нет роскоши роскошней...

Я все еще одета в «зиму» поверх «лета», хотя этот час принадлежит «лету». Мне досадно, что я пригласила комиссара зайти и пообещала помощь.

Он стучит в дверь, как поступил в первый раз. Элиана не реагирует. Она уже приготовилась ко сну – свернулась клубком и закопалась в одеялки, расстеленные на дне корзины.

Комиссар улыбается, здоровается: «Добрый вечер!», впустив в дом сухой холод. Я захопываю дверь, пододвигаю к нему стул. Он не снимает пальто. Хороший знак – надолго гость не задержится.

Я ни о чем не спрашиваю, достаю хрустальный стакан и наливаю ему портвейна – моего лучшего, урожая 1983 года, который привозит в подарок Жозе-Луиш Фернандез. Увидев коллекцию бутылок в буфете, который служит мне баром, посетитель бросает на меня ошеломленный взгляд больших черных глаз. Бутылок сотни: сладкие вина, односолодовый виски, ликеры, водки, крепленые напитки.

– Не подумайте плохого, я не спекулянтка, не торгую из-под полы. Все это подарки. Людям неловко дарить мне цветы. Ведь я сама их продаю. Мадам Пинто – только она! – каждый год привозит кукол, остальные покупают джемы и спиртное. Чтобы съесть и выпить все «подарки», мне понадобилось бы несколько жизней, поэтому большую часть я отдаю могильщикам.

Комиссар снимает перчатки, делает первый глоток.

– Я угощаю вас лучшим из того, что есть в моей «винной карте».

– Божественный вкус!

Не могу объяснить почему, но я и вообразить не могла, что этот мужчина произнесет слово «божественный», смакуя мой портвейн: если не считать растрепанных, торчащих во все стороны волос, в нем нет ничего... фантазийного. Выглядит мой полицейский так же уныло, как и его одежда.

Я беру ручку, сажусь напротив и прошу его рассказать о матери. Он задумывается, вздыхает, говорит:

– Она была блондинкой. Натуральной...

Конец рассказа.

Комиссар снова обводит взглядом белые стены, как будто надеется увидеть картины старых мастеров. Время от времени он подносит ко рту стакан, делает маленький глоток, как дегустатор, и постепенно расслабляется.

– Я никогда не умел составлять речи. Думаю и говорю в стиле полицейского рапорта или протокола. Могу сказать, есть у человека шрам, родинка или бородавка, хромает он или нет,

назвать размер обуви... На глаз определяю рост, вес, цвет глаз, особенности кожного покрова, особые приметы. А вот чувства не понимаю. Разве что точно знаю, когда от меня пытаются что-то скрыть...

Он почти допил, и я плеснула ему еще. Отрезала несколько ломтиков конте¹⁹ и разложила их на фарфоровой тарелке.

– На секреты у меня нюх, тут я мастер... Сразу подмечаю жест, выдающий преступника. Во всяком случае, так я думал раньше, пока не узнал последних распоряжений матери.

Мой портвейн на всех действует как «сыворотка правды» – развязывает язык.

Он спрашивает:

– Вы совсем не пьете?

Я капаю в свой стакан портвейна и чокаюсь с ним.

– И это все?

– Я – хранительница кладбища и пью только слезы... Можем поговорить об увлечениях вашей матери. Под увлечениями я подразумеваю не только театр или прыжки через скакалку. Какой цвет был ее любимым, где она предпочитала гулять, что за музыку слушала? Вы знаете ее любимые фильмы? Она держала кошек или собак, сажала деревья, любила дождь, ветер или солнце? Можете назвать ее любимое время года?

Пауза затянулась. Он искал слова, как заблудившийся человек дорогу, допил портвейн и наконец ответил:

– Мама любила снег и розы.

Лаконично... Больше ему нечего сказать. Он выглядит растерянным и пристыженным. Как будто признался, что страдает «болезнью сирот». Неумением рассказывать о близких.

Я встаю. Достаяю из шкафа регистрационную тетрадь за 2015 год. Открываю на первой странице.

– Вот речь, написанная 1 января 2015-го для Мари Жан. Ее внучка не смогла быть на похоронах, потому что работала за границей. Она прислала мне текст и попросила прочесть его вслух. Думаю, он будет вам полезен. Берите, читайте, сделайте выписки, а завтра вернете.

Комиссар резко поднимается, сует тетрадь под мышку. Впервые за все время один из документов покидает стены моего дома.

– Спасибо... За все.

– Ночуете у мадам Бреан?

– Да.

– Вы ужинали?

– Кажется, она что-то приготовила.

– В Марсель поедете завтра?

– На рассвете. Не беспокойтесь, я не забуду занести тетрадь.

– Оставьте за синим ящиком для цветов.

¹⁹ Сорт сыра.

12

*Спи, бабуля, спи, но пусть наш детский смех доносится до тебя
и на Небе.*

Речь для Мари Жеан

Она не умела ходить – только бегать. Не задерживалась на одном месте ни на минуту, и кто-нибудь то и дело говорил ей: «Да перестань уже суетиться, остановись, сядь и посиди спокойно!» Вот она и остановилась. Навсегда.

Она ложилась рано и вставала в пять утра. Всегда была первой покупательницей, чтобы не стоять в очереди. Перед очередями она испытывала священный ужас. В девять утра бабуля возвращалась домой с покупками.

Она, вкальвавшая всю свою долгую жизнь, умерла в ночь с 31 декабря на 1 января, в выходной день. Надеюсь, ей не пришлось слишком долго стоять в очереди к райским воротам вместе с гуляками и жертвами автокатастроф.

На каникулы я всегда просила ее приготовить для меня спицы и моток шерсти, но связать успевала не больше десяти рядов. Когда мы встретимся – там, наверху, – она обмотает мою шею воображаемым шарфом. Конечно, если я заслужу рай.

Звоня по телефону, она говорила: «Это бабуля» – и звонко смеялась.

Она каждую неделю писала письма своим детям. Они выросли и уехали жить далеко от нее. Бабушка писала, как думала.

К каждому дню рождения, празднику, на Рождество и Пасху она отправляла посылки и чеки своим «цыпляткам». Для нее все дети были «цыплятками».

Она любила пиво и вино.

Крестила хлеб, прежде чем нарезать.

Часто повторяла: «Иисус, Мария...» Эти слова были для нее чем-то вроде знака препинания, финальной точкой в конце каждой фразы.

На буфете стоял большой радиоприемник, который она не выключала все утро. Бабуля рано овдовела, и я часто думала, что ей не хватало звуков мужского голоса, поэтому она так любила дикторов.

С полудня место радио занимал телевизор. Она включала его, чтобы победить тишину, и смотрела все дебильные шоу и викторины, а засыпала под «Огни любви». Она комментировала каждую реплику персонажей, как если бы считала их живыми, реальными людьми.

За два или три года до рокового падения, вынудившего бабулю переехать в дом престарелых, у нее украли елочные гирлянды и шары, взломав дверь подвала. Она плакала в телефонную трубку, как будто это были не игрушки, а все рождественские праздники ее жизни.

Она часто пела. Очень часто. Даже в конце жизни говорила: «Мне хочется петь». А еще: «Хочу умереть».

Каждое воскресенье бабушка ходила на мессу.

Она ничего не выбрасывала. И, уж конечно, не остатки еды. Она их разогревала и ела. Иногда у нее даже болел живот, но она не отступалась – предпочитала сблевать, но не выкинуть ломоть хлеба в помойку. «Желудочные» последствия войны...

Бабуля покупала горчицу в стаканчиках с рисунками, чтобы подарить их внукам – своим «цыпляткам», – когда те приедут на каникулы.

На газовой плите, в чугунном котелке, всегда готовилось что-нибудь вкусненькое. Курицу с рисом она ела всю неделю днем, а вечером пила бульон. В сковородке томились две-три луковицы под соусом, издавая божественный аромат.

Она всегда была съемицей. Ничем не владела. Разве что семейным склепом.

Зная, что мы приезжаем, бабушка садилась ждать у окна и следила за машинами, паркующимися внизу, на маленькой стоянке. Мы входили в дом и сразу слышали вопрос: «Когда вы приедете повидаться с бабулей?» – как будто она хотела, чтобы мы немедленно отправились восвояси.

В последние годы она перестала ждать, и, если мы, не дай бог, опаздывали на пять минут в дом престарелых, чтобы забрать ее и повезти обедать в ресторан, она шла в столовую вместе с другими стариками.

Ложась спать, бабуля надевала на голову сеточку – чтобы не растрепалась укладка.

Каждое утро она выпивала стакан теплой воды с лимонным соком.

У нее было красное покрывало.

Бабушка была военной крестной²⁰ моего деда Люсьена. Когда он вернулся из Бухенвальда, она его не узнала. На тумбочке у кровати всегда стояла его фотография. Она взяла ее с собой в дом престарелых.

Я обожала мерить ее нейлоновые комбинезики и расхаживать в них по дому. Бабуля почти все заказывала по каталогам и получала кучу сопутствующих подарков – самые разные безделушки. Я спрашивала: «Можно порыться в шкафу?» – и она всегда разрешала. Я часами сидела перед открытыми дверцами и находила молитвенники, кремы фирмы «Ив Роше», махровые простыни, оловянных солдатиков, клубки шерсти, платья, шарфики, брошки, фарфоровых куколок.

Ладони у бабули были шершавые.

Несколько раз я делала ей укладку.

Она всегда экономила воду, когда мыла посуду.

В конце жизни она часто сетовала: «Чем я провинилась перед Господом, за что Он сослал меня сюда?» – имея в виду богадельню.

В семнадцать лет я стала ночевать у тети, которая жила в трехстах метрах от дома бабушки, в красивой квартире над большим кафе и кинотеатром, куда ходила в основном молодежь. В фойе был настольный футбол, видеоигры и мороженое. Ела я по-прежнему у бабули, а спала у тети, у нее можно было покурить втихаря, уйти на весь день в кино или посидеть с друзьями в баре.

Тетину квартиру всегда убирала мадам Фев, очень милая женщина. Однажды она приболела, и я нос к носу столкнулась с бабушкой, которая пылесосила комнаты. Иногда такое случалось.

В тот день, когда она умерла, я мучилась бессонницей из-за неловкости, возникшей между нами в тот момент. Я, молодая дуреха, распахнула дверь с улыбкой на губах и увидела ее согбенную фигуру с пылесосом. Бабуля подрабатывала. Я пыталась вспомнить, что мы тогда сказали друг другу, прокручивала в голове эту сцену снова и снова, всю ночь распахивала дверь и видела бабулю.

Когда мы снова увидимся, я задам ей вопрос: «Бабуля, помнишь день, когда я увидела тебя с пылесосом в квартире у тети?» А она пожмет плечами и ответит вопросом на вопрос: «С цыплятками все хорошо?»

²⁰ Женщина, шефствующая над фронтовиком.

13

Сильнее смерти только память живых об ушедших.

Я обнаружила регистрационный журнал за 2015 год за цветочным ящиком вместе с запиской, нацарапанной рукой комиссара на обороте рекламного буклета спортзала в 8-м округе Марселя. С первой страницы улыбалась девушка с телом мечты.

«Большое спасибо. Я вам позвоню». Коротко и ясно. Никаких комментариев насчет речи в честь Мари Жеан. Ни слова о матери. Интересно, он еще далеко от Марселя или уже доехал? В котором часу он отправился в путь? Он живет у моря? Любуется им или не замечает? Подобно людям, так долго живущим бок о бок, что перестают замечать друг друга...

Я открываю ворота. И тут появляются Ноно и Элвис. Здравуются: «Привет, Виолетта!» – оставляют грузовичок на центральной аллее и идут переодеваться. Я слышу, как они смеются, прохаживаясь по перпендикулярным аллеям и проверяя, все ли в порядке в моем «хозяйстве».

Меня сопровождают кошки, крутятся в ногах, мурлычут. Сейчас на кладбище одиннадцать мохнатых хитрюг. Пятеро принадлежат усопшим, как мне кажется, они появились в день похорон Шарлотты Буавен (1954–2010), Оливье Фежа (1965–2012), Виржини Тессандье (1928–2004), Бертрана Уитмена (1947–2003) и Флоранс Леру (1931–2009). У Шарлотты шерсть белая, у Оливье – черная. Виржини – домашняя, Бертран – серый, а Флоран (это кот) – бело-черно-коричневый. Остальные пришли позже. Они материализуются, потом исчезают. Люди знают, что на кладбище кошек кормят и стерилизуют, поэтому подбрасывают их нам. Иногда в прямом смысле – перебрасывают через стену.

Имена им – по мере поступления – дает Элвис. У нас живут Испанские Глазки, Кентукки Рейн, Муди Блю, Лав Ми, Тутти Фрутти и Май Уэй. Последнего подложили к моей двери в обувной коробке из-под мужских туфель 43-го размера.

Когда Ноно видит вновь прибывшего малыша, он сообщает ему условия проживания: «Предупреждаю, хозяйка кладбища специализируется на отрезании яиц». Эти слова еще ни одному животному не помешали остаться.

Ноно сделал специальный «кошачий» вход в двери моего дома, но большинство предпочитают жить в склепах. Только Май Уэй и Флоранс всегда лежат, свернувшись клубком в моей спальне, другие провожают до площадки, но не входят, как если бы Филипп Туссен все еще находился поблизости. Неужели они видят его призрак? Говорят, кошки умеют разговаривать с душами усопших. Филипп не любил животных, а я обожала с раннего детства, хотя оно было очень несладким.

Большинство посетителей любят наших кошек. Многие считают, что через них ушедшие общаются с оставшимися. На могиле Мишлин Клеман (1957–2013) написано: «Если рай существует, то станет для меня раем, только если я попаду туда вместе с моими собаками и кошками».

Я возвращаюсь в дом. Муди Блю и Виржини следуют за мной по пятам. Открываю дверь и вижу Ноно, беседующего с Гастоном и отцом Седриком о легендарной неуклюжести напарника и о том, что тот существует в режиме постоянного землетрясения. Ноно вспоминает тот день, когда Гастон опрокинул посреди кладбища тачку с костями и один череп закатился под лавку, а он этого не заметил. Ноно пришлось окликнуть его: «Эй, ты потерял миллиардный шар!»

В противоположность прежним кюре отец Седрик заходит ко мне каждое утро. Слушает истории Ноно и повторяет: «Господи, не может быть, быть того не может, Господи боже ты мой!» Утром следующего дня он возвращается, забрасывает Ноно вопросами и хохочет, заражая нас своей веселостью. В первую очередь меня.

Я обожаю смеяться над смертью. Издевка – мое оружие в поединке с Безносой, это сбивает с нее спесь.

Ноно говорит отцу Седрику «ты», но называет его «господин кюре».

– А вот еще был случай. Мы выкопали тело, оно пролежало в могиле семьдесят лет и не разложилось, можете себе представить?! Проблема в том, что дыра в оссуарии, через которую мы заталкиваем покойничков, совсем узкая. Элвис побежал за мной. Из носа у него течет – как всегда, и он говорит: «Ноно, идем скорее, ну пошли же, чего стоишь?» Я спрашиваю: «Что случилось?» А он вопит: «Гастон засунул мужика... сам знаешь куда!» – «Куда?» – не понимаю я, мчусь к оссуарию и вижу Гастона, болван толкает тело, а оно не входит. «Черт, парни, – говорю, – мы же не фашисты какие-нибудь...» Отличная история, верно? Я все время рассказываю ее мэру, и он ржет... Город выдал нам баллон с газовой горелкой на тележке с четырьмя колесами – для уничтожения сорняков. Ну, Элвис зажигает горелку, Гастон открывает газ... а я ему объяснял, господин кюре, что вентиль надо поворачивать медленно, но это же Гастон, он вечно все забывает, Элвис подносит зажигалку и – БУМ! – все взлетает на воздух! Как на войне! Ладно, самое интересное впереди, держитесь за стол, господин кюре! Они нашли выход...

Ноно хохочет во все горло, вытирает нос платком и продолжает:

– Одна женщина убирала могилу по соседству, сумочку она поставила на траву, и они... они... сунули туда огонь... клянусь жизнью внука, господин кюре, это правда! Сдохнуть мне, если вру! Элвис как начал прыгать на сумочке – огонь ведь нужно было загасить!

Элвис сидит у окна с Май Уэй на коленях и тихонько напевает: *I fell me temperature rising, higher, higer, it's burning through to my soul...*²¹

– Элвис, давай, расскажи господину кюре, что в сумке лежали очки той дамы и ты раздавил стекла! Видели бы вы его работу, господин кюре! Элвис повторяет: «Гастон... огонь... сумка...» А старушка орет: «Он погубил мои очки, погубил, погубил очки!»

Отец Седрик плачет от смеха.

– Господи, не может быть, быть того не может, Господи боже ты мой!

Ноно замечает своего шефа, вскакивает, и Элвис повторяет его движение.

– Помяни черта... Прости, господин кюре! И ты прости, Господи! Если простишь, все будет хорошо. Привет честной компании!

Ноно и Элвис выходят и бодро шагают к своему начальству. Могильщиков курирует Жан-Луи Дармонвиль, отвечающий за технические службы города. На моем кладбище лежит не меньше его любовниц, чем ходит по центральной улице Брансьона. А ведь он не красавчик. Время от времени Дармонвиль является погулять по аллеям. Помнит ли он всех женщин, которых сжимал в объятиях? Разглядывает ли фотографии? Помнит ли имена? Лица? Голоса? Смех? Аромат? Что остается от его нелюбостей? Я ни разу не видела, чтобы он остановился у какой-нибудь могилы, задумался... Всегда только ходит и ходит. Хочет убедиться, что ни одна из «дам сердца» не проговорится?

У меня начальства нет. Надо мной только мэр. Один и тот же вот уже двадцать лет. Мэра я вижу только на похоронах членов его администрации. Коммерсантов, военных и влиятельных особ – «шишек», как их называют. Однажды он хоронил друга детства и так горевал, что я его даже не узнала.

Отцу Седрику тоже пора.

– Всего вам наилучшего, Виолетта. Благодарю за кофе и добрый юмор. Мне всегда так уютно у вас.

– И вам хорошего дня, святой отец.

²¹ Я чувствую, как температура повышается//Все выше и выше, //Обжигает до самой души (англ.) – слова из песни «*Burning Love*» («Обжигающая любовь»), написанной Деннисом Линди. В 1972 г. ее спел Элвис Пресли.

Он берет за ручку двери и вдруг останавливается.

– Скажите, Виолетта, вам случается сомневаться?

Я отвечаю не сразу. Взвешиваю слова. Всегда. Нужно быть осторожной. Особенно когда общаешься с доверенным лицом Всевышнего.

– Последние несколько лет реже. Потому что нашла свое место. Здесь.

Святой отец задумывается:

– А вот я боюсь, что не *соответствую*. Выслушиваю исповеди, венчаю, крещу, проповедую, преподаю катехизис. Это тяжкая ноша. Большая ответственность. Мне часто кажется, что я предаю доверие прихожан. И Господа – в первую очередь.

Тут я не выдерживаю и бросаюсь в бой:

– А вы не думаете, что Он первым предает людей?

Отец Седрик потрясен моим богохульством.

– Бог есть любовь.

– Тогда Он точно предатель: любовь и предательство неразделимы.

– Вы правда так думаете, Виолетта?

– Я всегда думаю, что говорю! Бог создал человека по образу и подобию Своему. Он лжет. Дает, отнимает, любит и предает.

– Бог есть всеобъемлющая любовь. Он меняется – благодаря вам. Благодаря нам, благодаря всем светоносным иерархам, Он чувствует и переживает все, что проживают люди, стремится к совершенству и красоте... Сомневаюсь я в себе. В Нем – никогда.

– Но почему, святой отец?

Он в прострации. Смотрит на меня и молчит.

– Говорите, святой отец. У нас в Брансьоне две исповедальни – в вашей церкви и в этой комнате. Мне много чего рассказывают.

Священник печально улыбается.

– Мне все сильнее хочется стать отцом... Я просыпаюсь по ночам, задыхаясь от этого желания... Сначала я принял мое чувство за гордыню, за тщеславие. Но...

Он подходит к столу, машинальным движением открывает и закрывает сахарницу. Май Уэй трется о его ноги, он наклоняется, проводит ладонью по шерстке.

– Вы не думали взять приемного ребенка?

– Я не имею права, Виолетта. Все законы запрещают это, и земные, и небесные.

Отец Седрик оборачивается, смотрит в окно на промелькнувшую мимо тень.

– Простите, что спрашиваю, святой отец, но... вы были влюблены?

– Я люблю только Господа.

14

Прекрасен день, в который кто-нибудь вас любит.

В первые месяцы нашей совместной жизни в коммуне Шарлевиль-Мезьер я каждый день писала в дневнике красным фломастером два слова: БЕЗУМНАЯ ЛЮБОВЬ. Так было до 31 декабря 1985 года. Я тенью следовала за Филиппом Туссенем – когда не работала. Он всасывал меня в себя. Пил меня. Обволакивал. Филипп был чувственным до безумия. Я таяла у него на языке, как карамелька или постный сахар. Каждый день был праздником. Когда я сегодня думаю о том периоде моей жизни, он кажется мне ярмарочным балаганом.

Филипп всегда знал, куда пристроить свои руки, прокладывал новые маршруты по моему телу, ему были ведомы точки, дарившие самое острое наслаждение (я понятия не имела об их существовании!), и не уставал целовать их и ласкать.

После любви мы не расплетали объятий. Наши руки и ноги дрожали в унисон. Мы обжигали друг друга. Филипп Туссен все время повторял: «Черт, Виолетта, со мной никогда такого не было! Ты колдунья, я знаю, ты меня зачаровала!»

Думаю, он уже в первый год совместной жизни начал мне изменять. Врать. Подкатывался к другим женщинам, стоило мне отвернуться.

Филипп Туссен напоминал лебедя – прекрасного на воде и неуклюжего на суше. Он превращал нашу кровать в рай, любовью занимался... обаятельно и чувственно, но, как только принимал вертикальное положение, терял яркость.

Он не хотел, чтобы я оставалась в «Тибурене», ревновал ко всем и каждому. Мне пришлось расстаться с работой барменши и наняться в кафе, официанткой. Я начинала в десять утра, чтобы успеть приготовить ланч, а освобождалась в шесть вечера.

Когда я уходила, Филипп еще спал, и мне бывало ужасно трудно оторваться от него, вылезти из теплого гнездышка и выйти на стылую улицу. Днем он уезжал кататься на мотоцикле – по его словам, а вечером валялся перед телевизором. Я с порога бросалась к кровати и ложилась на Филиппа, погружалась в него, как в нагретый солнцем бассейн. Я хотела видеть жизнь в голубом цвете – Пикассо оставался моим любимым художником! – и у меня получалось.

Я была готова на все, лишь бы он ко мне прикоснулся. Я чувствовала, что принадлежу ему телом и душой, и это меня окрыляло. В свои семнадцать лет я жаждала наверстать все недоданное жизнью счастье. Если бы Филипп меня бросил, я бы, наверное, умерла. Не наверное – точно не пережила бы. Мне хватило расставания с матерью.

Работал Туссен эпизодически. Начиная, только доводя родителей до умопомрачения. Отец обращался к очередному другу, и тот находил Филиппу место. Чем он только не занимался! Был маляром, механиком, курьером, ночным сторожем, уборщиком. Выдерживал не больше недели и всегда находил себе оправдание. Жили мы на мою зарплату, поступавшую на счет: я была несовершеннолетней, и так было проще. Себе я оставляла только чаевые.

Иногда его родители заявлялись днем, без предупреждения (у них были ключи от студии), чтобы прочитать нотацию единственному сыну, двадцатисемилетнему безработному, которому нравилось быть безработным... Я работала и потому, слава богу, не встречалась с ними. Мамаша Филиппа забивала холодильник продуктами, и супруги удалялись.

А потом случилась неприятность. В мой свободный день я осталась дома, и мы, конечно же, занимались любовью. Я лежала на кровати. Голая. Филипп принимал душ. Я не услышала, как открылась дверь, потому что распевала во все горло: «Скажи, что любишь меня! Даже если это ложь! Ведь я знаю, что ты врешь! Один день похож на другой! А мне нужна романтика!» Увидев супругов, я подумала: *Филипп Туссен совсем не похож на родителей.*

Никогда не забуду взгляд его матери, ее злой оскал. Она смотрела с таким презрением, что я – неграмотная, косноязычная – сумела правильно истолковать этот взгляд, как будто увидела себя в злоязыком зеркале. Опустившаяся дешевка, продажная тварь, замарашка, нищенка, дурное семя...

Ее рыжевато-каштановые волосы были убраны в тугий пучок, кожа на висках натянулась, и проступили синеватые вены. Тонкие губы выражали крайнюю степень неодобрения. На веках лежали зеленые тени, что было явной ошибкой при голубых глазах. Ошибкой, дурновкусием, в котором она упорствовала все годы, что мы были знакомы. Нос мадам напоминал клюв хищной птицы из Красной книги, цвет лица был очень бледный, не тронутый загаром. Заметив мой округлившийся животик, она тяжело плюхнулась на стул. Папаша Туссен, сутулый подкаблучник, говорил со мной как учитель Закона Божьего, употребляя слова «безответственные» и «необдуманные», поминал Иисуса Христа. Я еще подумала: «А Он-то тут при чем?» Интересно, что бы сказал Спаситель, увидев этих людей в дорогих шмотках, оскорбленных в лучших чувствах видом любовницы сына, прикрывшей наготу красным покрывалом с нью-йоркскими небоскребами.

Филипп вышел из ванной с полотенцем на бедрах и даже не посмотрел в мою сторону. Сделал вид, что я не существую, как будто важна была только его мать. Я почувствовала себя убогим ничтожеством. Подзаборным щенком. Пустым местом. Таким же пустым, как отец Филиппа. Сын и мать заговорили обо мне. При мне. Им было безразлично, слышу я их или нет. Особенно матери.

– Ребенок твой? Уверен, что отец – ты? Где ты встретил эту *девушку*? Смерти нашей хочешь?! Между прочим, аборт придумали не для собак. О чем ты только думал, бедный мой мальчик?!

Отец Филиппа продолжал бубнить:

– Все возможно... нет ничего невозможного... человек способен измениться... нужно верить... никогда не опускать руки...

Мне хотелось смеяться и плакать. Я словно бы оказалась среди героев итальянской комедии. Недоставало только красоты итальянцев. Я привыкла, что люди говорят о моей жизни и будущем так, словно меня это не касается, словно я проблема, которую нужно решить, а не личность.

Туссен, вырядившиеся как на свадьбу, игнорировали *мерзавку, посягнувшую* на их драгоценного сыночка, подстроившую ему ловушку. Мадам вела себя так, как будто боялась испачкаться.

Они ушли не простившись, и Филипп Туссен разбушевался. Он орал: «Дерьмо! Проклятье! Надоели!» – и пинал ногами стену. Велел мне уйти, чтобы он мог успокоиться, иначе будет хуже, и выглядел испуганным, хотя бояться следовало мне. Я привыкла к грубости, хотя физического насилия, благодарение Господу, избежала.

Я вышла на улицу, сразу замерзла и пошла быстрым шагом, чтобы согреться. Наша с Филиппом повседневность была беззаботной, но хватило одного визита его родителей, чтобы все разбилось вдребезги. Через час я вернулась. Филипп спал, и я не стала его будить.

На следующий день мне исполнилось восемнадцать. В качестве подарка Филипп сообщил мне, что отец нашел нам работу дежурных на железнодорожном переезде. Место недалеко от Нанси должно было скоро освободиться.

15

*Милая бабочка, разверни свои чудесные крыльшки, лети на могилу
и передай моей любимой привет.*

Гастон снова упал в могилу. Не могу сосчитать, сколько раз это с ним случилось. Два года назад, во время эксгумации, он рухнул в гроб и остался стоять на четвереньках, прямо на костях. А сколько раз он запутывался в воображаемых веревках?

Ноно на минуту отвернулся – отошел метров на сорок набрать тачку земли. Гастон беседовал с графиней де Дарье, но вернувшийся Ноно его не обнаружил. Земля осыпалась, и он оказался в могиле. Барахтался там и вопил: «Зовите Виолетту!» Ноно пошутил: «Она не тренер по плаванию!» А ведь он предупреждал недотепу, что земля в это время года рыхлая. Пришлось ему доставать приятеля под аккомпанемент песенки Элвиса: *Face down on the street with agunin his hand...*²² Иногда мне кажется, что мои соседи – братья Маркс²³, но суровая реальность возвращает бедняжку Виолетту с небес на землю.

Завтра мы хороним доктора Гийенно. Даже врачи в конце концов умирают. Он мирно почил в собственной постели в возрасте девяноста одного года. Доктор Гийенно пользовал весь Брансьон-ан-Шалон и окрестности в течение полувека. Значит, на церемонию придет много народа.

Графиня де Дарье успокаивает нервы, попивая сливовую водку, полученную в подарок от мадемуазель Брюлье, чьи родители лежат на участке «Кедры». Графиня ужасно испугалась, увидев нырок Гастона в могилу. Она говорит с лукавой улыбкой: «Это напомнило мне чемпионат мира по плаванию». Обожаю эту женщину! Такие посетители поднимают мне настроение.

На моем кладбище лежат ее муж и любовник. С весны до осени мадам де Дарье украшает их могилы цветами – пышные она выбирает для супруга, букет подсолнухов в вазе – своей «истинной любви». Проблема в том, что ее возлюбленный был женат. Вдова, обнаружив в очередной раз подсолнухи, немедленно выбрасывает их в помойку.

Однажды я решила подобрать букет, чтобы положить его на заброшенную могилу, но не смогла: разгневанная женщина обципала все лепестки. Она точно не гадала на подсолнухе: «Немножко, сильно, страстно, до безумия, совсем не любит».

За двадцать лет я повидала немало вдов, безутешных в день похорон и ни разу не пришедших потом на могилу покойного мужа. Многие вдовцы женятся, не дав остыть телу супруги, но продолжают жертвовать на корм животным и просят ухаживать за могилкой.

Мне знакомы брансьонские дамы, «специализирующиеся» на вдовцах. Они бродят по аллеям, одетые в черное, и высматривают одиноких мужчин, поливающих цветы. Я долго наблюдала за маневрами некоей Клотильды К., которая каждую неделю являлась на мое кладбище, чтобы ухаживать за... очередной могилкой. Заарканивала первого же безутешного вдовца и заводила с ним разговор о погоде, просила не печалиться – жизнь продолжается! – и получала приглашение на аперитив. В конце концов она вышла замуж за Армана Бернигалья, чья жена (Мари-Пьер Бернигаль, в девичестве Вернье, 1967–2002) покоится на участке «Тисы».

Я нахожу десятки новых памятных табличек, которые взбешенные родственники прячут в кустах. Чаще всего на них написано что-то вроде «Моей любви на вечные времена».

²² «Face down in the street with agunin his hand in the ghetto» – «Лежащего ничком на улице с пистолетом – в гетто» (англ.). Строка из популярной композиции «In the Ghetto» – «В гетто» (англ.), написанной американским композитором и исполнителем кантри Маком Дэвисом.

²³ Братья Маркс – пять братьев, американские комедийные артисты, специализировавшиеся на «комедии абсурда» – с набором драк, пощечин, флирта и «метания тортов».

Каждый день любовники и любовницы усопших незаметно прокрадываются на кладбище. Чаще это делают женщины – они дольше живут. Их не бывает по субботам и воскресеньям – кому охота столкнуться нос к носу с «законными половинами»? Грешники и грешницы являются с раннего утра или перед закрытием. Сидят на могилах, а потом стучат в мою дверь, чтобы я выпустила их за ограду.

Помню Эмили Б., подругу Лорана Д., она являлась каждое утро за полчаса до открытия и ждала у входа. Увидев в окно ее силуэт, я набрасывала черное пальто прямо на ночную рубашку и шла в тапочках впустить ее. Я очень жалела эту женщину и делала для нее исключение. Угощала чашечкой кофе с молоком. Мы обменивались парой фраз. Она рассказывала, как безумно любила Люсьена, причем использовала только настоящее время. «Память сильнее смерти. Я все еще чувствую его руки на моем теле и знаю, что он смотрит на меня оттуда, где сейчас пребывает». Потом она ставила чашку на отлив окна и отправлялась на свидание с возлюбленным, а если на могиле вдруг оказывались родственники Люсьена, ждала где-нибудь в сторонке, спрятавшись за кустом.

Однажды утром Эмили не появилась, и я решила, что она, так сказать, отгоревала. Время расплетает печаль, как косу, какой бы длинной она ни была. Безгранична и неутешима только скорбь родителей, потерявших ребенка.

Я ошиблась. Эмили Б. не снимала траура – она появилась на моем кладбище на катафалке, в сопровождении близких. Думаю, никто не знал, что они с Люсьеном любили друг друга. Лечь рядом с ним ей, увы, не пришлось...

После похорон, когда все разошлись, я осуществила «черенкование»: взяла длинный стебель лаванды, посаженной Эмили на могиле Люсьена, сделала несколько надрезов, оторвала головку цветка и воткнула в дырявую бутылку с землей и частью навоза. Месяц спустя растение дало новые корни.

Лаванда будет вечно принадлежать любовникам, нашедшим последний приют на моем кладбище. Я всю зиму ухаживала за цветком, а весной пересадила его на могилу Эмили. Барбара²⁴ поет: «Весной так прекрасно говорить о любви...»

²⁴ Барбара, настоящее имя Моник Андре Серф (1930–1997) – французская актриса, автор и исполнитель песен.

16

*Не бывает случайных встреч.
Все они назначены нам судьбой.*

- Леонина.
- Как-как?
- Леонина.
- Ты чокнулась... Что это за имя? Похоже на название стирального порошка.
- А мне нравится. Очень. Окружающие будут звать ее Лео. Люблю девчонок с мальчишечьими именами.
- Ну так назови ее Анри.
- Леонина Туссен. Звучит чудесно.
- Сейчас 1986 год! Выбери что-нибудь посовременнее... Дженифер или Джессика.
- Ну пожалуйста, не дави на меня, пусть будет Леонина!
- Ладно, поступай как хочешь, но, если будет сын, имя выбираю я.
- И как ты его назовешь?
- Ясоном.
- Надеюсь, родится девочка.
- Не согласен.
- Займемся любовью?

17

Я слышу твой голос во всех шумах мира.

19 января 2017-го, серое небо, температура воздуха 8°. 15.00. Похороны доктора Филиппа Гийенно (1924–2017). Дубовый гроб, внутренняя обивка в желтых и белых розах. Черный мрамор. Маленький золоченый крест на стеле.

Около пятидесяти венков и цветы – лилии, розы, цикламены, хризантемы, орхидеи.

На лентах надписи: «Нашему дорогому отцу», «Моему дорогому супругу», «Нашему дорогому дедушке», «От выпускников 1924 года», «От торговцев Брансьон-ан-Шалона», «Нашему другу», снова «Нашему другу», «Нашему другу»...

На табличках читаем: «Время проходит, воспоминания остаются», «Моему любимому мужу», «Твои друзья никогда тебя не забудут», «Нашему отцу», «Нашему деду», «Нашему двоюродному прадеду», «Нашему крестному», «Все мимолетно в этом мире – ум, красота, прелесть и талант подобны эфемерным цветкам под порывами ветра».

Вокруг могилы собралось около ста человек. В том числе Ноно, Гастон, Элвис и я. До захоронения четыреста человек заполнили маленькую церковь отца Седрика. Место внутри досталось не всем: сначала расселись старики, тесно прижавшись друг к другу плечами. «Неудачники» столпились на узкой паперти.

Графиня де Дарье говорит мне, что всю ночь вспоминала, как добрый доктор приезжал по вызову после полуночи в мятой рубашке, как по собственному почину возвращался проверить, упала у ее младшего сына температура или нет. «Наверное, каждый из нас, узнав горестное известие, подсчитал, сколько он вылечил бронхитов, отитов и гриппов, сколько актов о смерти подписал, сидя за кухонным столом. Когда он начинал практиковать, люди умирали в собственной постели, а не на больничной койке».

Филипп Гийенно оставил прекрасный след на земле. Его сын сказал: «Мой отец был очень предан своей профессии. Он брал деньги за одну консультацию, даже если приезжал к пациенту три раза или выслушивал стетоскопом сердца всех членов семьи. Он был великим врачом, замечательным диагностом, ему хватало трех вопросов и одного взгляда в глаза больному, чтобы понять, в чем дело. И это в мире, где еще не были даже изобретены дженерики».

К стеле прикрепили медальон с фотографией Филиппа Гийенно. На ней ему пятьдесят, он в отпуске. У моря. Загорелый, улыбающийся. Тем летом он поручил деревню заботам кого-то другого и уехал погреться на солнце.

Отец Седрик подходит благословить гроб и говорит: «Филипп Гийенно, я любил вас, как всех нас любит Господь. Нет любви благороднее, чем посвятить свою жизнь тем, кого любишь».

После церемонии в мэрии устраивают скромные поминки. Меня приглашают – как всегда. Я не иду – как обычно. Потом все отправляются по домам. Остаюсь я и Пьер Луччини.

Каменщики закрывают семейный склеп, а Пьер рассказывает мне, что доктор познакомился со своей женой в день ее свадьбы с другим мужчиной. В самом начале бала она повернула лодыжку, и Филиппа срочно вызвали на праздник. Он увидел новобрачную в белом платье и влюбился. Поднял ее на руки, понес в машину, чтобы отвезти в больницу на рентген, и... не вернул молодому мужу. «Он попросил ее руки, когда вправлял вывих!» – с улыбкой добавляет мой друг.

Перед закрытием кладбища возвращаются дети Филиппа. Проверяют работу каменщиков. Собирают карточки, приколотые к венкам, выходя за ворота, машут мне и уезжают в Париж.

18

*А сейчас увядших листьев стаи
Гонит ветер по аллеям прочь,
Как воспоминания и взгляды...*

Я разговариваю сама с собой. Говорю с мертвыми, с кошками, ящерицами, цветами, с Богом (не всегда вежливо). Я задаю себе вопросы. Окликаю себя. Подбадриваю.

Я не вмещаюсь в рамки. Никогда не вмещалась. Когда я заполняю графы тестов из глянцевого журнала, «Знаете ли вы себя» или «Узнайте себя лучше», для меня не находится варианта ответа. Я из тех, кто повсюду выбивается из строя.

В Брансьон-ан-Шалоне есть люди, которые меня не любят, другие не доверяют или боятся. Им кажется, что я все время ношу траур. Видели бы они «лето» под «зимой», сожгли бы меня заживо на костре. Все похоронные ремесла внушают опасения.

А еще у меня пропал муж. Просто взял – и пропал. «Признайте, странно получилось. Человек садится на мотоцикл и исчезает. Навсегда. Красавец мужчина. Разве это не печально? Жандармы ничего не делают, ее не тревожат, не допрашивают. А она совсем не печалится. Не плачет. Говорю вам, эта женщина что-то скрывает. Вечно в черном, подтянутая... зловещая личность... На кладбище творится что-то подозрительное. Могильщики не просыхают. Она все время что-то бормочет себе под нос. Это ведь ненормально, согласны?»

Другие люди думают иначе. «Она мужественная женщина. Честная. Верная. Улыбчивая, скромная. У нее трудная работа. Никто больше не хочет заниматься таким ремеслом. Живет одна, муж ее бросил, но сколько достоинства! Утешает тех, кто в горе, самым несчастным всегда нальет стаканчик, скажет доброе слово. И выгладит элегантно... Ни в чем ее не упрекнешь. Великая труженица. Кладбище содержит в безупречном порядке. И характер хороший. Она никогда не заносится, правда, иногда витает в облаках, но это никому пока не навредило».

Гражданская война не утихает, и я играю роль фитиля.

Однажды мэр получил петицию с требованием убрать меня с кладбища. Он вежливо ответил, что я – ответственный сотрудник и до сих пор не допустила ни единой ошибки.

Иногда подростки бросают камни в ставни на окнах моей комнаты или барабанят в двери среди ночи, чтобы напугать. Я слышу, как они хихикают, и натравливаю на них Элиану или звоню в колокол. Негодники убегают.

Я не сержусь. Пусть хулиганят, напиваются, делают глупости, только бы не умирали. Не хочу видеть, как убитые горем родители провожают их в последний путь!

Летом ребята часто перелезают через ограду, дожидаются полуночи и пугают друг друга. Прячутся за крестами, рычат, ухают, хлопают дверьми склепов. Некоторые, те, что постарше, занимаются спиритизмом, желая произвести впечатление на подружек. «Ты здесь, дух?» Девчонки визжат, их приводит в восторг любое «проявление сверхъестественного». Слышат они, конечно, не призраков, а моих кошек, которые охотятся на ночных бабочек или ежей, переворачивающих блюдечки с молоком. Иногда я тоже выхожу на бой – укрываюсь за памятником и стреляю из пистолета раствором в воде эозином, красителем ярко-розового цвета.

Никто не имеет права нарушать покой усопших. Только не на моем кладбище. В первое время я зажигала фонарь перед домом. Звонила в колокол, преследовала святотатцев по темным аллеям, вооруженная водяным пистолетом. Я знаю каждый поворот, кочку и канаву и могу двигаться с закрытыми глазами, не боясь, что меня заметят.

Существуют любители «экстремального» секса на могилах и киноманы, обожающие смотреть ужастики рядом со склепом Дианы де Виньрон, первой «постоялицы» моего кладбища. Многие брансьонцы видели ее призрак и не сомневаются, что она осталась в нашем мире. Однажды я подкралась к нарушителям со спины и что было силы дунула в свисток. Они умчались, как перепуганные кролики, бросив ноутбук в траве.

В 2007-м у меня возникли серьезные проблемы с бандой молодых бездельников, явившихся к нам на каникулы. Чужаки, случайные люди. Парижане. Весь июль, с 1-го по 30-е, они каждый вечер проникали на территорию кладбища и ночевали под открытым небом. Я много раз вызывала жандармов. Ноно подловил их и надавал ногой по задницам, попутно объясняя, что кладбище – не игровая площадка, но урок не пошел впрок: следующим вечером тупицы вернулись. Обычных мер оказалось недостаточно.

К счастью, 31 июля они уехали и... вернулись ровно через год. Вечером 1 июля я их услышала. Голоса доносились от могилы Сесили Делазерб (1956–2003). «Пришлые» повзрослели: они курили, много пили и разбрасывали бутылки по территории. Каждое утро я вынимала окурки из цветочных горшков.

А потом случилось чудо: в ночь с 8-го на 9-е они убрались. Никогда не забуду, как эти дураки перепугались, как кричали и уверяли всех и вся: «Мы что-то видели!»

Ноно доложил, что нашел рядом с оссуарием голубые «колеса», галлюциногенную дурь, навевающую ужасные видения. Не знаю, призрак Дианы де Виньрон или белая дама Рен Дюша избавила меня от молодых болванов, но благодарна обеим.

19

Если бы каждый раз, когда я думаю о тебе, распускался хотя бы один цветок, земля стала бы огромным садом.

Я стояла у ворот, ведущих под арку дома, где находилась наша с Филиппом квартира, и вдруг заметила в витрине книжной лавки красное яблоко на обложке одного томика. «Правила виноделов» Джона Ирвинга²⁵. Я не уловила смысла названия, оно оказалось слишком сложным для меня. В 1986-м, в восемнадцать лет, я была образованна, как шестилетка. У-чи-тель-ница, шко-ла, я имею, ты имеешь, я воз-вра-ща-юсь до-мой, это, здрав-ствуй-те-ма-дам, Панзани, Бэби бел, Скип, Оазис, Баллентайнз.

Я купила эту толстенную книгу (восемьсот двадцать одна страница), хотя, чтобы прочесть и понять одну фразу, мне требовались часы и усилия, какие даме 50-го размера нужны, чтобы влезть в джинсы 36-го. Но я ее купила – уж очень сочным выглядело яблоко. Несколько месяцев назад я утратила желание. Филипп особенным образом дышал мне в затылок, давая понять, что готов и хочет. Он всегда хотел, но никогда не желал меня. Однажды я не шевельнулась. Притворилась спящей.

Впервые мое тело не ответило на призыв его тела. Потом желание вернулось, но очень скоро снова «замерзло». Так иней время от времени появляется на окнах, деревьях и земле.

Я всегда была в ладах с жизнью и чаще видела светлую сторону вещей и событий. Тень я игнорировала, как дома у воды, стоящие лицом к солнцу. Когда плывешь на лодке, любишься яркими фасадами, белыми палисадниками с зеркальным отблеском и зеленеющими деревьями. Я редко вижу «задники» этих строений: мусорные баки и компостные ямы заметны только с дороги.

До встречи с Филиппом Туссенем я долго жила в приемных семьях, грызла ногти, но редко видела тени. С ним я узнала, что такое разочарование. Поняла, что наслаждаться мужчиной и любить его – разные вещи. Картинка из глянцевого журнала с изображением красавца потускнела. Праздность Филиппа, слабоволие в отношениях с родителями, дремлющая в нем тяга к насилию и запах чужих женщин на кончиках пальцев что-то у меня украли.

Ребенка хотел он. Сказал: «Будем делать детей». И он же, мужчина на десять лет старше меня, шептал матери, что «подобрал» меня, называл потеряшкой, извинялся. А когда она отвернулась выписать энный по счету чек, чмокнул меня в шею и пробормотал, что всегда вешал старикам лапшу на уши, лишь бы поскорее отвязались. Так он извинился, но слова прозвучали. Оскорбительные слова...

В тот день я подыграла ему. Улыбнулась. Ответила: «Ладно, конечно, я понимаю...» Утраченные иллюзии посеяли во мне нечто иное. Силу. Живот у меня рос, а я чувствовала желание учиться. Нужно наконец понять, как трактуется выражение «слюнки текут», почему в книгах написаны те или другие слова. Раньше слова меня пугали, поэтому я почти ничего не читала.

Я дожидалась, когда Филипп Туссен отправится на мотоциклетную прогулку, и начинала читать четвертую сторону обложки книги Ирвинга. Вслух, иначе я не улавливала смысл. Я

²⁵ Классическая сага о любви и выборе от блистательного американского писателя Джона Ирвинга (род. в 1942 г.), автора мировых бестселлеров «Мир глазами Гарпа» и «Отель «Нью-Гэмпшир», «Сын цирка», «Молитва об Оуэне Мини» и «Мужчины не ее жизни». Молодой доктор приезжает в провинциальный городок работать в приюте для сирот. Он помогает женщинам рожать, а потом воспитывает брошенных ими детей... Эта книга о том, что каждый мечтает о семье, особенно сирота. Эта книга о *простых жизненных правилах*, которых должны придерживаться люди, если они хотят оставаться людьми; об обязательствах, которые настоящие люди берут на себя и выполняют; о призвании, которое есть у каждого, но не всякий его находит. Киноверсия романа, снятая Лассе Хальстремом, получила два «Оскара», и один из них достался самому Ирвингу – за лучший сценарий.

превращалась в собственного двойника и рассказывала себе историю. Двойник хотел учиться и не собирался сдаваться. Мое настоящее и будущее сидели, склонившись над романом.

Почему книги влекут нас, как люди? Почему обложки завораживают, как взгляд человека или показавшийся знакомым голос? Как, черт возьми, этот голос заставляет нас свернуть с пути, поднять глаза и, возможно, меняет сам ход нашей жизни?

Два часа спустя я была на десятой странице и сумела понять только каждое пятое слово. Я читала и перечитывала вслух вот эту фразу: «В сиротах больше детского, чем во всех остальных детях, они привержены тому, что происходит ежедневно, в одно и то же время. Для них очень важно все, что обещает продолжиться, они и жаждут устойчивости». «Жаждут». Что значит это слово? Я купила словарь и научилась им пользоваться.

До сих пор я хорошо знала только слова песен, написанных внутри конвертов пластинок на 33 оборота. Я слушала музыку, пытаюсь одновременно читать, но ничего не получалось.

Я впервые почувствовала, как шевельнулась Леонина, когда предавалась размышлениям о покупке словаря. Должно быть, ее разбудили произнесенные вслух слова. Я восприняла медленные движения моей дочки, как побуждение к действию.

На следующий день мы переехали в Мальгранж-сюр-Нанси и стали стрелочниками. Но перед этим я вышла купить словарь, нашла слово «жаждать» и узнала, что оно означает.

Жаждать – страстно, ненасытно, жадно чего-то желать.

20

Если жизнь – это переход, мы сохраним в памяти твой образ.

Я стираю тряпкой пыль с кукольных коробок. Перекладываю «португалок» так, чтобы не видеть их глаз, похожих на черные булабочные головки.

До меня дошел слух, что из палисадников пропадают гномы... Может, сказать мадам Пинто, что куколок украли?

У меня за спиной о чем-то оживленно беседуют отец Седрик и Ноно. Говорит в основном Ноно. Элвис сидит у кухонного окна, смотрит на проходящих мимо людей и тихонько напевает «Тутти Фрутти». Голос Ноно перекрывает музицирование.

– Я был маляром. Художником. Не таким, как Пикассо. Красил стены. Потом жена оставила меня с тремя малышами... а еще я лишился работы. Из-за экономического спада. В 1982-м город нанял меня на должность могильщика.

– Сколько лет было детям? – спрашивает отец Седрик.

– Не так чтобы много. Старшим – семь и пять, меньшему – шесть месяцев. Я воспитывал их сам. Потом у меня появилась девушка... Я родился недалеко отсюда, в одном из домов, что стоят рядом с твоей церковью. В те времена акушерок звали, когда пациенткам приходил срок рожать. А ты где родился, господин кюре?

– В Бретани.

– Там вечно идет дождь.

– Может, и так, но детки все равно появляются на свет. Мой отец был военным, и мы скоро переехали. Его то и дело переводили.

– Значит, военный заделал кюре... Гм, гм, редкий случай.

Смех отца Седрика отражается от стен. Элвис все мурлычет и мурлычет. Он дни напролет поет песни о любви, но сам, насколько мне известно, романов никогда не заводил.

Ноно зовет: «Виолетта! Оставь своих кукол, кто-то стучит!»

Я бросаю тряпку на лестницу и иду открывать посетителю, который наверняка ищет могилу.

На пороге стоит комиссар. Он впервые пришел со стороны улицы. Без урны. Прическа со времени нашей последней встречи не стала аккуратнее. От него все так же пахнет корицей и ванилью. Глаза блестят, как будто он плакал, но дело наверняка в усталости. Он застенчиво улыбается. Элвис закрывает окно, и скрип рамы заглушает мое ответное приветствие.

Комиссар замечает сидящих за столом Ноно и отца Седрика. Он спрашивает: «Я помешал? Могу зайти позже...» Я отвечаю: «Не стоит, через два часа у нас похороны, и я буду занята».

Он кивает и входит. Здоровается за руку с Ноно, Элвисом и священником.

– Знакомьтесь, – говорю я, – это Норбер и Элвис, мои коллеги, и наш кюре Седрик Дюрас.

Полицейский представляется, и я впервые слышу его имя и фамилию: Жюльен Сель. Трое моих приближенных встают, и Ноно кричит: «До скорого, Виолетта!»

Я называю себя: «Меня зовут Виолетта. Виолетта Туссен».

– Я знаю... – отвечает комиссар.

– Но как?..

– Сначала я думал, что Туссен – прозвище. Шутка.

– Шутка?

– Согласитесь, Туссен – нетривиальная фамилия для смотрительницы кладбища.

– Вообще-то, моя фамилия – Трене. Я – Виолетта Трене.

– Трене идет вам больше.

– Туссен... Это была фамилия моего мужа.

– Почему «была»?

– Он исчез. Просто взял и испарился. Ну, не как джинн, конечно. Просто одна из его отлучек затянулась.

– Мне это известно.

– Откуда?

– У мадам Бреан не только красные ставни на окнах, но и длинный язык.

Я иду мыть руки. Выдавливаю на ладони несколько капель жидкого мыла с запахом розы. У меня все пахнет пудровой розой: свечи, духи, белье, чай, бисквиты, которые я люблю макать в кофе. Вытерев руки, я мажу их кремом с ароматом роз. Я много вожусь в земле, ухаживаю за цветами, так что приходится защищать пальцы. Ногти я перестала грызть тысячу лет назад, и руки у меня теперь красивые.

Жюльен Сель оглядывает белые стены, вид у него озадаченный. Элиана сидит рядом, и он ее гладит.

Я наливаю гостю чашку кофе, пытаюсь угадать, что ему наговорила мадам Бреан.

– Я написал речь для матери.

Комиссар достает из внутреннего кармана конверт и прислоняет его к копилке.

– Вы проехали четыреста километров, чтобы привезти мне речь? Могли послать по почте.

– Я здесь по другой причине.

– Захватили с собой урну?

– Нет.

Он делает паузу. Ему не по себе.

– Можно покурить в окно?

– Да.

Комиссар вынимает из кармана мятую пачку легких сигарет, достает одну и говорит:

– Есть кое-что другое.

Он идет к окну, приоткрывает створку. Чиркает спичкой, затягивается, выпускает дым.

– Я знаю, где ваш муж...

– Что, простите?

Затушив сигарету об отлив окна, он сует окурок в карман, поворачивается ко мне и повторяет:

– Я знаю, где ваш муж.

– Какой муж?

Мне плохо. Я не хочу понимать, что говорит этот человек. У меня такое чувство, что он без спроса вломился в мою спальню, выдвинул все ящики, роется в вещах, а я не могу ему помешать.

Жюльен опускает глаза и вздыхает:

– Филипп Туссен... я знаю, где он.

21

Ночь никогда не бывает непроглядно темной, в конце дороги всегда найдется открытое окно.

Единственные призраки, в которых я верю, – это воспоминания. Реальные и воображаемые. Для меня сущности, привидения, духи, короче, все сверхъестественное – исключительное порождение мозга живых.

Некоторые люди искренне верят, что могут общаться с ушедшими, но я считаю, что мы умираем раз и навсегда. Мы думаем о них – и они возвращаются, говорят нашими голосами, а если «показываются», то как голограмма, сделанная на 3D-принтере.

Тоска, боль, неприятие случившегося способны оживить и дать нам почувствовать из ряда вон выходящие вещи. Человек уходит навсегда, но живет в душах оставшихся. А душа даже одного-единственного человека шире вселенной.

Сначала я думала, что труднее всего будет научиться ездить на одноколесном велосипеде. Но я ошибалась. Побороть страх – вот что оказалось самой сложной задачей. Оседлать его в ночь вылазки. Замедлить сердечный ритм. Не трястись. Не сдрейфить. Закрывать глаза – и вперед! Я должна была ликвидировать проблему. Иначе это никогда не прекратится.

Я все испробовала. Уговаривала, стыдила, пугала. Перестала спать. Думала об одном – как от них избавиться.

Велосипеды бывают одно- и двухколесные, разница невелика, все дело в умении сохранять равновесие. Тренироваться на гравии аллеи можно было только по ночам – никто не должен был увидеть охранницу верхом на велике! И так... Я много дней с наступлением темноты ездила мимо могил, не забыв запереть ворота кладбища. Училась тормозить и ускоряться, чтобы в решающий день не сверзиться на землю.

Потом я долго и нудно шила саван, традиционный наряд покойников. На него пошли метры белых тканей – муслина, шелка, хлопка и тюля. Я старалась придать одеянию правдоподобный и одновременно сюрреалистичный вид и хихикала, называя «вещь» платьем новобрачной.

Когда мы с Филиппом Туссеном расписывались, на мне белого платья не было.

Я уверена, что человек рано или поздно обретает способность смеяться над чем угодно. В крайнем случае – улыбаться.

Покончив с шитьем, я выстирала свой карнавальный саван в машине холодным раствором соды, чтобы он флуоресцировал. К подкладке прикрепила куски засвеченной фотопленки (признаюсь, что стащила ее из машины агентов дорожной службы – грешна, раскаиваюсь). Пленка бликует, если предварительно засветить ее на солнце или под лампой.

Требовалось спрятать лицо и волосы, и я приспособила один из черных беретов Ноно, сделав прорези для глаз. А под низ надела фату. Один из сотрудников похоронного бюро подарил мне фонарик в виде ангела, который давал достаточно света и был очень легким. Его я зажала между губами. Образ был завершен, я посмотрела в зеркало – и испугалась. По-настоящему. Я напоминала героиню одного из «ужастиков», которые молодые вандалы смотрели на могиле Дианы де Виньрон в ту ночь, когда я напугала их свистом и они позорно сбежали, бросив компьютер. Принарядившись – длинное белое платье, лицо скрыто фатой, тело блестит, как снег под фарами, рот то начинает светиться, то становится черной дырой, – я кого угодно могла довести до сердечного приступа в соответствующем контексте, а именно на кладбище, где любой шорох или самый тихий хруст ветки кажется хрипом адской твари.

Недоставало одного – звукового сопровождения. Я отсмеялась и задумалась. Ночью на кладбище пугают разные звуки: стоны, рыдания, скрип, завывание ветра, шаги, музыка, про-

игранная с протяжкой. Я выбрала карманный транзистор и прикрепила его к велосипеду. Настрою и в нужный момент включу.

Около десяти вечера я спряталась в одном из склепов и затаилась.

Долго ждать не пришлось. Сначала я услышала их голоса, потом шаги. Они прошли над восточной стеной кладбища. Пять человек. Три парня и две девушки. Состав компании часто менялся.

Я дала им время расположиться со всеми удобствами, открыть банки пива, взять цветочные горшки в качестве пепельниц. Гуляки растянулись на могиле мадам Седилло. С этой милой женщиной я много общалась, когда она приходила убирать могилу дочери. То, что они развалились на матери и дочери, возмутило меня и придало сил.

Я оседлала велосипед, правильно распределила складки платья. Благодаря пленке, два часа маринованной под галогеновой лампой, меня было видно издалека. Я резко толкнула дверь, она противно скрипнула, и голоса затихли. Я находилась в нескольких сотнях метров от злоумышленников и начала медленно крутить педали, чтобы создалось впечатление, будто *некто* плывет по воздуху.

Очень скоро один из парней увидел меня. Я ужасно боялась, ладони вспотели, ноги стали ватными, лицо горело. Юнец открывал и закрывал рот, но не мог произнести ни звука, лицо выражало ужас и изумление. Девушка с сигаретой в зубах издала пронзительный вопль, и у меня сразу пересохло во рту. Остальные вскочили на ноги. Никто не смеялся.

Несколько мгновений – не дольше – все смотрели в мою сторону. Я остановилась метрах в двухстах от могилы, сжала губы, и фонарик выбросил луч света, раскинула руки крестом и очень быстро покатила вперед.

Моя память запечатлела действие в замедленном темпе, так что я могу воспроизвести его покадрово.

Я понимала: если меня раскроют, пощады не будет. Но они не включили мозги и рванули с места, как спринтеры, и кричали так громко, что можно было оглохнуть. Двое решили укрыться в глубине кладбища.

Я решила преследовать троицу. Один запнулся за корень, упал, но тут же вскочил и побежал дальше.

Не понимаю, как им удалось перепрыгнуть решетку высотой в три с половиной метра. Наверное, правы ученые, утверждающие, что страх, то есть адреналин, окрыляет.

Больше мы не встречались. Мне донесли, что они рассказывают всем и каждому историю об ужасном призраке. Я собрала окурки и пустые банки. Вымыла могилу мадам Седилло теплой водой.

Я никак не засыпала, все хихикала и хихикала, закрывала глаза и видела болванов, улетающих, как кролики.

Утром следующего дня я спрятала велосипед и платье на чердаке. Наряд поблагодарила и уложила в чемодан, чтобы изредка доставать и вспоминать это приключение.

22

*Маленький цветок жизни.
Твой аромат вечен, пусть даже человечество слишком рано
сорвало тебя.*

– Филипп Туссен мертв. Единственная разница между ним и усопшими этого кладбища заключается в том, что на их могилах я иногда предаюсь размышлениям.

– Филипп Туссен есть в телефонном справочнике. Вернее, название его гаража.

– Гаража?

– Я думал, что вы искали его и захотите узнать...

Я онемела.

Я не искала Филиппа, хотя долго ждала, но это не одно и то же.

– Я обнаружил движение денег на банковском счете мсье Туссена.

– На банковском счете...

– Текущий счет опустошили в 1998-м. Я предположил мошенничество, кражу личности, решил проверить и выяснил, что владелец счета – ваш муж – сам снял все деньги.

Мне кажется, что мое тело покрывается коркой льда. Каждый раз, когда комиссар проносит это имя, мне хочется заорать: «Да замолчите же вы наконец!» Лучше бы этот полицейский никогда не переступал порог моего дома...

– Ваш муж не исчез. Он живет в ста километрах отсюда.

– В ста километрах...

А ведь день так хорошо начался – с Ноно, отца Седрика и Элвиса, напевающего у окна. Радужное настроение, аромат кофе, мужской смех, мои уродливые куклы, пыль, которую нужно вытереть, тряпка, духота на лестнице...

– Не понимаю, зачем вы искали Филиппа Туссена.

– Когда мадам Бреан рассказала о его исчезновении, мне захотелось вам помочь.

– Мсье Сель, если дверь какого-то шкафа закрыта на ключ, значит, хозяйка бережет содержимое от посторонних глаз.

23

Если жизнь – всего лишь переход, давайте украсим его цветами.

Мы оказались на переезде в Мальгранж-сюр-Нанси в конце весны 1986 года. Весной нам кажется, что все возможно, весна – это свет и обещания. Схватку между зимой и летом выигрывает, конечно же, лето, несмотря на крапленые карты и дождь.

«Воспитанницы детских домов довольствуются малым». Мне было семь лет, когда учительница сказала эту фразу моей *третьей* приемной матери, нисколько не озабочившись тем, что я стою рядом. Она, видимо, считала, что я стала невидимкой из-за того, что родная мать отказалась от меня сразу после рождения. И, кстати, «мало» – это сколько?

Тогда, в 1986-м, я считала себя богачкой, была молода, хотела научиться читать, чтобы одолеть «Правила виноделов», осилила словарь, в животе ворочался ребенок, имела дом, работу и семью – первую в жизни настоящую семью, мою собственную семью. Несуразную, неустойчивую, но все-таки семью. С самого рождения из всего имущества у меня были улыбка, немножко шмоток, кукла Каролина, пластинки Этьена Дао, группы «Индокитай», Шарля Трене и комиксы о Тинтине. В восемнадцать лет я получила легальную работу, счет в банке и собственный ключ – мой, только мой. Ключ, к которому я прикреплю кучу брелоков, чтобы они гремели и напоминали: «У тебя есть ключ!»

Наш дом был квадратным. С черепичной, поросшей мхом крышей – такие часто рисуют дети в яслях. По бокам цвели две форзиции, похожие на золотистые кудри, обрамляющие наше белое жилище с красными ставнями на окнах. Изгородь из плетистых красных роз, готовящихся расцвести, отделяла заднюю часть дома от линии железной дороги. Главная дорога, пересеченная рельсами, изгибалась в двух метрах от крыльца со стареньким половиком.

Чета смотрителей, мсье и мадам Лестрий, покидали свой пост через два дня и должны были успеть подготовить смену – нас с Филиппом: объяснить, как поднимать и опускать шлагбаум.

Они оставляли нам старомодную мебель, потертый линолеум и почерневшие обмылки. Судя по выгоревшим прямоугольникам на обоях в цветочек, рамки с фотографиями они решили взять с собой. У кухонного окна одиноко висела вышитая крестиком «Джоконда».

На грязной кухне стояла старая трехконфорочная плита, шкафчики блистательно отсутствовали. Открыв крошечный холодильник, я нашла на полке кусок пожелтевшего масла в мятой пергаментной упаковке.

Место выглядело обветшалым, но я видела, во что сумею его превратить с помощью кисти и красок. Меня ни на секунду не смутили вздувшиеся обои, наклеенные еще до войны. Я все переделаю, в первую очередь – этажерки, чтобы было где расставить посуду. Филипп шепнул мне на ухо, что сменит все обои, как только за супругами закроется дверь.

Они снабдили нас списком телефонов всех спасательных служб – на случай блокировки шлагбаума.

– С тех пор как упразднили ручной труд, цепи, случается, замыкает – по многу раз в год, – добавил старик.

Получили мы в наследство и расписания движения поездов. Летнее и зимнее. «В праздничные дни, выходные и во время забастовок поезда ходят реже, имейте это в виду», – наставляла мадам Лестрий.

Предшественники надеялись, что нас заранее предупредили: расписание сложное, ритм работы утомительный, одному человеку справиться не под силу.

Ах да, чуть не забыли главное: с момента звукового сигнала до «поцелуя» поезда со шлагбаумом проходит ровно три минуты.

Три минуты на то, чтобы подойти к пульту и нажать на кнопку, которая активирует шлагбаум и блокирует движение.

После прохождения состава инструкция предписывает сделать минутную паузу и только после этого дать команду на поднятие шлагбаума.

Надевая пальто, мсье Лестрий говорит:

– За одним поездом может быть скрыт другой – теоретически, но мы за тридцать лет ни разу такого не видели.

Мадам Лестрий оборачивается с порога, чтобы сделать последнее предупреждение:

– Берегитесь пьяных водителей и придурков-лихачей – кто-нибудь вечно пытается проскочить, когда шлагбаум уже перегородил дорогу.

Свежеиспеченные пенсионеры пожелали нам удачи, и мсье Лестрий произнес со всей возможной серьезностью:

– Ну что же, вот и пришел наш черед сесть в поезд...

Больше мы их не видели.

Филипп Туссен вошел в дом, но и не подумал взяться за уборку, не начал сдирать старые обои. Он обнял меня и сказал:

– Ох, Виолетта, до чего же хорошо мы тут заживем, когда ты все обустроишь!

Не знаю, книга ли Ирвинга, за которую я взялась накануне, или купленный тем утром словарь придал мне сил, но я впервые решилась попросить у него денег. Полтора года мою зарплату переводили на его счет, а я выходила из положения, тратя чаевые официантки, но теперь у меня в кармане не осталось ни су.

Филипп расщедрился на тридцать франков, хотя расставался с ними до ужаса неохотно. Я никогда не имела доступа к бумажнику мужчины, с которым жила. Он каждое утро пересчитывал банкноты – проверял, все ли деньги на месте. И всякий раз терял частицу меня. Любви, из которой я состояла.

В понимании Филиппа Туссена ситуация выглядела очень просто: он подобрал в ночном клубе потеряшку, и она зарабатывала деньги, работая официанткой, за «стол и крышу над головой». Кроме того, я была молода и красива, сговорчива, достаточно хорошо воспитана и бесстрашна. А еще я притягивала Филиппа физически. Испорченной частью своего мозга Филипп сразу понял, как сильно я боюсь быть брошенной и потому никогда сама не оставлю его. Теперь я ждала от него ребенка и всегда находилась в пределах досягаемости.

До ближайшего поезда оставался час с четвертью. Я взяла свои тридцать франков, пошла в «Казино» и купила ведро, половую тряпку, губки и чистящие средства, выбрав все самое дешевое. В восемнадцать лет я ничего не понимала в хозяйствах, обычно в этом возрасте люди покупают пластинки. Я представилась кассирше:

– Здравствуйте, меня зовут Виолетта Трене, я новая смотрительница переезда. Заменяла мсье и мадам Лестрий.

Кассирша – ее звали Стефани – слов не услышала, потому что смотрела на мой округлившийся живот. Она спросила:

– Вы – дочь новых смотрителей?

– Нет, я ничья дочь. Я сама новая смотрительница.

У Стефани все было круглым – тело, лицо, глаза, ее как будто нарисовал художник-мультипликатор, этакую бесхитростную героиню, наивную, милую, с выражением вечного удивления на лице и вытаращенными глазами.

– А сколько же вам лет?

– Восемнадцать.

– Понятно... Значит, мы будем часто встречаться.

– Конечно. До свидания.

Я начала с того, что вымыла и вычистила все этажерки и стеллажи в комнате и разложила нашу одежду.

Под грязным ковролином обнаружилась плитка, я решила, что такой пол нравится мне больше, и уже прикидывала, как бы стянуть его и вынести на улицу, но тут раздался предупреждающий сигнал: скоро, в 15.06, пройдет поезд.

Я выбежала из дома. Нажала на красную кнопку, чтобы опустить шлагбаум, и облегченно вздохнула, увидев, что все получилось. Подъехавшая машина остановилась. Она была длинная и белая, водитель кинул на меня недовольный взгляд, как будто это я составляла расписание движения французских поездов. Состав прошел. Рельсы загудели. В вагонах сидели «субботные» пассажиры. Компании девушек собирались провести послеобеденное время в Нанси – походить по магазинам, пофлиртовать.

Я подумала: «Возможно, они тоже из интернатских, тех, кто довольствуется малым...» Я улыбалась, нажимая на зеленую кнопку, чтобы поднять шлагбаум: у меня была работа, ключи от собственного дома, который требовалось перекрасить, ребенок в животе, ленивый мужчина (не забывший отобрать у меня сдачу), словарь, музыка и книга Джона Ирвинга.

24

Следует научиться дарить свое отсутствие тем, кто не понял всей важности вашего присутствия.

Смерть не держит паузу. Не берет отпуск, не уезжает на все лето на каникулы, у нее нет выходных, она не может отпроситься с работы ради визита к дантисту. Смерть плевать хотела на «окна» в расписании, повальный отъезд, Дорогу солнца, тридцать пять часов²⁶, оплаченные отпуска, Рождество и Новый год, счастье, молодость, беззаботность, хорошую погоду. Она вездесуща. Вообще-то, никто не думает о смерти все время, иначе на свете жили бы одни безумцы. Смерть подобна домашнему псу, который не отходит от вас, выклянчивая ласку, но на четвероногого друга обращают внимание, только если случается невероятное – он кусает за руку хозяина или – не приведи господь! – одного из его близких.

На моем кладбище есть кенотаф. На участке «Кедры», аллея 3. Кенотаф – погребальное сооружение, возведенное над пустотой. Она оставлена любимым усопшим, исчезнувшим в море, в горах, при крушении самолета, землетрясении или потопе. Живому человеку, который словно бы испарился, но его смерть считается установленным фактом. На старинном брансьонском кенотафе нет таблички, и я долго не знала, чью память он увековечил. И вот вчера Жак Луччини наконец просветил меня: кенотаф установили в 1967 году, в честь молодой пары, погибшей в горах. «Они совершали восхождение и сорвались в пропасть».

Я часто слышу, как люди говорят: «Нет ничего страшнее потери ребенка». Но так считают не все. Многие уверены, что неизвестность гораздо хуже. Ужаснее могилы может быть только лицо пропавшего человека, растиражированное на листовках и глядящее со столбов и стен, из витрин магазинов, со страниц газет и экранов телевизоров. Стареют фотографии, но не запечатленные лица.

Мы скорбим, провожая любимых людей в последний путь, но остаемся жить. Похороны пустого гроба, выпускание воздушных шариков, молчаливая процессия наводят ужас.

Тридцать лет назад в нескольких километрах от Брансьона исчез ребенок. Его мать Камилла Лафоре приходит на кладбище каждую неделю. Мэрия в исключительном порядке выделила ей место и разрешила написать на памятнике имя пропавшего сына: Дени Лафоре. Никаких доказательств, что Дени мертв, нет. Ему было одиннадцать лет, когда он в буквальном смысле испарился между коллежем и остановкой автобуса на противоположной стороне улицы. Дени вышел из здания на час раньше товарищей. Больше его никто не видел. Мать повсюду его искала. Полиция тоже. Каждой семье было знакомо лицо Дени. Он – «пропавший 1985 года».

Камилла Лафоре часто говорит мне, что пустая могила сына спасла ей жизнь. Имя на мраморной доске удерживало ее между возможным и невозможным – мыслью о том, что мальчик жив, что он страдает в одиночестве в каком-то неизвестном месте. Каждый раз, открывая мою дверь и присаживаясь к столу, чтобы выпить кофе, она спрашивает: «Как поживаете, Виолетта?» И добавляет: «Есть кое-что похуже смерти. Исчезновение».

А вот я привыкла к исчезновению Филиппа Туссена. И ничего не хочу знать.

Я открываю конверт, где лежит страничка текста, который Жюльен Сель написал для матери. Он прочитает речь, когда наконец решится привезти урну с прахом на мое кладбище. Будь она неладна, встреча Ирен Файоль и Габриэля Прюдана! Не случись этого, Жюльен Сель никогда бы не встретился со мной.

²⁶ Во Франции официально принята 35-часовая рабочая неделя. Этот закон вступил в силу в 2000 году, заменив предыдущие 39 часов. Социалистическая партия, которая тогда была у власти, хотела таким образом создавать новые рабочие места. Эта мера вызвала и продолжает вызывать ожесточенные споры.

Ирен Файоль была моей матерью. От нее всегда хорошо пахло. Духами «L'Heure bleue».

Мама родилась в Марселе 27 апреля 1941 года, но южного акцента у нее не было. Она была сдержанной, дистантной, немногословной. Всегда предпочитала жару холод и хмурое небо. Внешне мама не напоминала уроженку Средиземноморья: бледная кожа, веснушки и светлые волосы делали ее похожей скорее на норвежку.

Мама любила бежевый цвет. Она не носила яркую одежду и никогда не ходила без чулок. На единственном снимке, сделанном еще до моего рождения, на каникулах в Швеции, она запечатлена в желтом платье. Когда я смотрю на нее, в голову всегда приходит одна и та же мысль: «Это какая-то ошибка. Наверное, мама отвлеклась на что-то другое, когда покупала эту вещь...»

Она любила всякие английские чаи. Любила снег. Снимала его. В семейных альбомах все фотографии сделаны под снегом.

Она редко улыбалась. Часто задумывалась.

Выйдя замуж, мама стала мадам Сёль, но фамилию не меняла. Почему? Я могу только догадываться.

Я ее единственный ребенок. Я долго спрашивал себя, почему родители не хотели больше «воспроизводиться» – из-за меня или виновата фамилия отца?²⁷

Сначала мама работала парикмахершей, потом занялась цветоводством. Она вывела несколько сортов морозоустойчивых роз. Похожих на нее саму.

Помню, как-то раз мама сказала, что ей нравится продавать цветы, даже если их покупают для украшения могил. Мол, роза – это роза, что на свадьбе, что на похоронах. У всех флористов в витринах магазинов выставлена табличка: «Бракосочетания и траур». Одно без другого немислимо.

Не знаю, думала ли она о незнакомце, с которым захотела разделить вечный покой.

Но я уважаю ее выбор, как она всегда уважала мои решения.

Покойся с миром, дорогая мама.

²⁷ Сёль – Seul (фр.) – один.

25

Любовь матери – сокровище, которое Господь дает человеку раз в жизни.

Леонина появилась на свет, дождавшись, когда я перекрашу стены.

В ночь со 2 на 3 сентября 1986 года меня разбудила первая схватка. Филипп Туссен спал рядом. Моя дочь выбрала хорошую ночь, чтобы прийти в этот мир: была суббота, девятичасовой поезд уже прошел, утренний ожидался в 07.10. У Филиппа было четыре часа, чтобы отвези меня в роддом и вернуться на пост, к шлагбауму.

Леонина родилась в полдень, и отцу не удалось услышать ее первый крик.

Мою душу затопили волны любви и ужаса: теперь я ответственна за жизнь, куда более ценную, чем моя. Я смотрела на Леонину, и у меня перехватывало дыхание, по телу пробегала дрожь, зубы выбивали дробь.

Моя девочка напоминала маленькую старушку. На несколько секунд я почувствовала себя ребенком, а ее – праmaterью рода.

Она лежит у меня на животе, тянется губами к соску. Я поддерживаю ее маленькую головку ладонью под затылок. Родничок, черные волосики, зеленая слизь на теле, рот сердечком – землетрясение, и это еще слабо сказано!

С появлением Леонины моя молодость разбилась вдребезги, как фарфоровая ваза о кафельный пол. Ребенок похоронил мою беззаботность. За несколько минут я перешла от смеха к слезам, от солнечной погоды – к дождливой, уподобилась капризному мартовскому небу, которое то обрушивается на землю проливным дождем, то проясняется. Все мои чувства проснулись и обострились, как у слепца.

Всю жизнь при взгляде в зеркало я спрашивала себя, на кого из родителей похожа. Леонина посмотрела на меня своими огромными глазами, и я подумала: «Она похожа на небо, на Вселенную, на легендарное чудовище, моя дочь – уродина и красавица, неистовая и смиренная, близкая и чужая, чудо и яд в одном существе». Я заговорила с ней легко и просто. Как если бы мы продолжили начатую давным-давно неспешную беседу.

Я сказала: «Добро пожаловать, милая!» Я гладила ее, ласкала, пожирала взглядом, вдыхала нежный запах, исследовала каждый сантиметр кожи.

Медсестра забрала Леонину, чтобы взвесить, измерить, помыть, и я сжала кулаки, почувствовав себя маленькой, безоружной и никудышной, и позвала маму. Нет, я не впала в горячку, но все-таки позвала женщину, которую никогда не знала.

Перед глазами мгновенно пронеслось детство. Как мне уберечь Леонину от бед и невзгод, выпавших на мою долю? А вдруг ее у меня отнимут? Как только Лео появилась, я раз и навсегда смертельно испугалась. Что, если мы разлучимся или она покинет меня? Пусть уж лучше исчезнет сейчас и вернется, когда я повзрелею.

Филипп Туссен пришел навестить нас между 15.07 и 18.09. Я его разочаровала. Он хотел сына. Он не промолвил ни слова. Он взглянул на нас. Он улыбнулся. Он поцеловал меня в голову. Он взял Леонину и показался мне невыносимо прекрасным. Я попросила: «Не оставляй нас. Никогда...» – «Конечно...» – пообещал он.

Потом случилось второе землетрясение. Лео было два дня. Я покормила ее. Положила на сдвинутые колени, и маленькие ступни уперлись в мой живот. Ручками она крепко держалась за мой указательный палец. Я смотрела на ее лицо и искала прошлое, словно надеялась разглядеть черты своих родителей. Акушерки шутили: «Смотрите не прожгите в малышке дырку!» Лео смотрела на меня, я что-то рассказывала – не помню, что. Говорят, младенцы улыбаются

только ангелам. Уж не знаю, какое существо с крыльями она сквозь меня разглядела, но взгляд зафиксировала и... улынулась.

Накануне выписки явились расфуфыренные родители Филиппа. Она – с золотыми кольцами на пальцах, он – в баснословно дорогих мокасинах с помпончиками. Папаша Туссен поинтересовался, собираюсь ли я крестить «ребенка», его жена вынула спящую Леонину из прозрачной колыбельки, не спросив разрешения, как будто девочка принадлежала ей. Мадам Туссен держала внучку на руках неестественно неловко. Я не могла видеть родничок, прижатый к блузке, чуть не захлебнулась ненавистью и больно ущипнула себя за щеку, чтобы не разреветься.

В тот день я поняла: отныне Виолетта Трене – непробиваемая, у нее появился иммунитет против хищников, и все, что касается дочери, касается и ее.

Мать Филиппа укачивала Лео и почему-то называла ее Катрин. «Моя дочь зовут Леонина...» – поправила я. «Катрин гораздо красивее...» – ответила она. Папаша Туссен счел нужным вмешаться: «Это уж слишком, Шанталь...» Так я узнала имя матери Филиппа...

Лео захныкала – от старухи пахло слишком крепкими духами, у нее были скрюченные, как у ведьмы, пальцы и шершавая кожа. Я сказала: «Дайте мне Леонину». Она поступила по-своему – положила вопящую девочку в кроватку.

А потом мы вернулись в «дом поездов» – такое название даст ему Леонина, когда подрастет. Я взяла дочь в постель, прижала к себе. Филипп спал на правой стороне кровати, Леонина – на левой, я – между ними. Первые два месяца я расставалась с дочерью только для того, чтобы открыть или закрыть шлагбаум, переодевала ее под одеялом, топила комнату жарко-жарко, чтобы купать малышку каждый день.

Зимой пришлось надевать на Лео вязаную шапочку, шарфик и накрывать ее одеялком, вывозя в коляске на прогулку. Первые зубки, первый осознанный смех, первый отит. Прогулки между двумя поездами. Люди наклонялись взглянуть, говорили: «Она похожа на вас...» – а я отвечала: «Нет, моя дочь похожа на своего отца...»

Потом пришла первая весна, плед, расстеленный на траве между домом и рельсами, в тенечке. Вокруг разбросаны игрушки. Лео уже хорошо сидит, тянет в рот все, что видит, улыбается, шлагбаум поднимается и опускается, Филипп Туссен каждый день уезжает на мотоцикле, но к ужину возвращается. А потом снова уматывает. Лео его очень забавляет – но не дольше десяти минут.

Я хорошо справлялась с ролью матери, несмотря на юный возраст, умела слушать, знала, как прикоснуться, говорила нежные слова. Со временем страх потерять дочь притупился. Я в конце концов поняла, что для расставания нет никаких причин.

26

Ничто не противится ночи, но ей нет оправданий.

Раз за ветрами нету горы
Раз забвения тень одолела
Раз понять невозможно
Раз мечтать бесполезно
То приходится жить «так уж вышло»

Потому что понятно
Потому что известно
Вот уж отдано все, а фортуне все мало
Раз на свете есть место, где цветет ее сердце
Раз мы любим так нежно, что держать и не надо...

Потому ты уходишь...²⁸

Именно эту песню чаще всего исполняют на похоронах. В церкви и на кладбище.

Чего я только не слышала за двадцать лет. От «Аве Мария» до «Жажды желать» Джонни Холлидея. Помню, родственники одного усопшего заказали песенку в исполнении американской порноактрисы Пайпер Перри, так им любимой. Пьер Луччини и наш прежний кюре резко им отказали. Пьер объяснил, что не может выполнять все последние желания – ни в доме Господа, ни в Саду душ (так он называет мое кладбище). Семья была раздосадована, что им попался гробовщик без чувства юмора, рьяно блюдущий похоронный ритуал.

Один посетитель регулярно оставляет на могиле включенный плеер, но звук приглушает, как будто не хочет беспокоить соседей.

Есть дама, которая приносит на могилу мужа маленький транзистор – чтобы он «был в курсе событий», а очень юная девушка надевает наушники на крест, чтобы похороненный под ним лицеист слушал последний альбом *Coldplay*.²⁹

Некоторые люди празднуют на кладбище дни рождения усопших, приносят цветы и оживляют обстановку музыкой из мобильного.

Каждый год, 25 июня, женщина по имени Оливия приходит петь для человека, чей прах был развеян в Саду воспоминаний. Она появляется точно к открытию, пьет на моей кухне чай без сахара и молча удаляется. Иногда я достаиваюсь замечания о погоде. В 09.10 она идет на кладбище – одна, потому что прекрасно знает дорогу. Если на улице солнечно и в доме открыты окна, ее голос доносится до меня. Она всегда поет одно и то же – *Blue Room*³⁰ Чета Бейкера: *We'll have a blue room, a new room for two, room where ev'ry day's a holiday because you're married to me...*³¹

²⁸ Песня «Потому ты уходишь» – *Puisque tu pars* (фр.) – Жан-Жака Гольдмана.

²⁹ *Coldplay* – британская рок-группа.

³⁰ «Голубая комната».

³¹ «У нас будет голубая комната, новая комната для двоих, комната, где каждый день будет счастливым, потому что ты согласилась выйти за меня...» (англ.).

Она не торопится. Поет громко, но медленно, растягивает удовольствие, после каждого куплета выдерживает долгую паузу, словно кто-то ей отвечает, откликается эхом, потом несколько минут сидит на земле.

В июне прошлого года пришлось дать ей зонт – с неба лило так, словно начался второй потоп. Она совершила привычный ритуал и на обратном пути заглянула, чтобы вернуть его и поблагодарить. Я похвалила ее голос и спросила: «Вы певица?» Она сняла пальто. Села рядом. И начала рассказывать обо всем так подробно, как если бы услышала от меня кучу вопросов, хотя за двадцать лет знакомства я позволила себе один-единственный.

Ее друга звали Франсуа. Они встретились, когда она училась в Маконе. Была лицеисткой. А он преподавал там французский. Она влюбилась сразу, на первой же лекции. Потеряла аппетит. Жила, чтобы видеть его. Каникулы стали катастрофой. Сидела она всегда в первом ряду, занималась только французским и стала лучшей ученицей, заново открыв для себя родной язык. Получила высший балл за сочинение на тему «Любовь – обман?». На десяти страницах уместилась история любви преподавателя к студентке. Любовь, которую он отрицает, отталкивает от себя, не приемлет. Оливия придумала детективную историю, а себя вывела преступницей, изменила фамилии действующих лиц (своих соучеников) и перенесла место действия в английский колледж.

– Почему 19, мсье? Почему не 20? – с вызовом спросила она, получив проверенную работу.

– Потому что совершенства не существует, мадемуазель... – ответил он.

– А если так, зачем существует высший балл?

– Его ставят математикам за решение задач. Во французском языке, как учебном предмете, очень мало безупречных вариантов.

Он сделал приписку красной ручкой – неразборчивым почерком, рядом с отметкой 19/20: «Превосходный прямой стиль. Вы сумели использовать ваше богатейшее воображение для создания безупречной литературной конструкции. Сюжет разработан блестяще. Легкость сочетается с юмором и серьезностью. Bravo, мадемуазель, вы проявили зрелое мастерство!»

Она тысячу раз ловила на себе его взгляд, сгрызла чертову прорву колпачков от биковских ручек, слушая, как он объясняет классу эволюцию чувств Эммы Бовари.

Она свято верила, что эта любовь взаимна. И вот ведь какая странность – они были однофамильцами: Оливия Леруа и Франсуа Леруа.

За несколько дней до бакалаврского экзамена по французскому языку Оливия набралась смелости и сказала:

– Если мы поженимся, мсье Леруа, нам даже не придется менять документы.

Все расхохотались, а Франсуа покраснел.

Оливия получила 19 баллов за устный французский, 19 за письменный и написала Франсуа: «Мне не присудили 20 баллов, потому что вы все еще не нашли решения нашей проблемы».

Он попросил о встрече наедине. Долго молчал – она сочла это любовным смятением, а потом сказал:

– Оливия, брат и сестра не могут пожениться...

Она издала радостный смешок – он впервые назвал ее по имени, а не «мадемуазель», – и сразу онемела под напряженным взглядом Франсуа и никак не отреагировала, услышав, что у них общий отец. Франсуа родился от предыдущего брака, двадцать лет назад, в Ницце. Его родители прожили вместе два года и развелись, причем расставались трудно.

Много лет спустя Франсуа выяснил, что его отец снова женился и у него есть дочь, малышка Оливия.

Отец скрыл от второй семьи старшего сына, но Франсуа захотел увидеться, поговорить, а потом и вовсе переехал в Макон.

Придя в класс и знакомясь с ученицами по журналу, он назвал фамилию Леруа, подумал: «Совпадение...» – девочка подняла палец, выдохнула: «Здесь», и посмотрела ему в глаза. Франсуа испытал шок. Он узнал сестру – они были очень похожи. Она ничего не знала.

Сначала Оливия не поверила. Отец не мог так поступить! Зачем было прятать Франсуа? Эта история – отвлекающий маневр, учитель решил положить конец заигрываниям капризной девчонки. Поняв наконец, что он ее не обманывает, она бросила небрежным тоном:

– Не имеет значения, матери ведь у нас разные. Я люблю вас. По-настоящему.

Он ответил, пытаясь сдержать холодную ярость:

– Прекратите! Никогда больше не говорите ничего подобного!

Он вел занятия в выпускном классе, они встречались в лицее, и ей всякий раз хотелось броситься к нему в объятия. Не по-сестрински.

Франсуа пытался избегать ее. Не смотрел в глаза. Она бесилась, делала крюк по коридорам с одной-единственной целью – поздороваться с ним в полный голос:

– Здравствуйте, мсье Леруа!

Он робко отвечал:

– Добрый день, мадемуазель Леруа.

Оливия не решилась допрашивать отца, да это и не потребовалось: в день вручения дипломов она перехватила его взгляд в сторону Франсуа и ответную улыбку сводного брата. На глазах выступили слезы. Ей оставалось только забыть.

Потом был праздник. Выпускники и преподаватели по очереди выходили на сцену. Франсуа спел *Blueroom* а капелла, не уступив в страстности самому Чету Бейкеру.

Он пел для нее, и она поняла, что никогда не полюбит другого мужчину и что эта запретная любовь взаимна.

Она уехала. Училась, получила диплом преподавателя литературы, побывала в разных странах. Вышла замуж и сменила фамилию.

Прошло семь лет. Оливии исполнилось двадцать пять, и она вернулась, чтобы быть рядом с Франсуа. Однажды утром постучала в его дверь и сказала: «Теперь мы можем жить вместе, у меня другая фамилия. Мы не поженимся, не заведем ребенка, но никто нас не разлучит». Франсуа ответил: «Я согласен».

Они продолжали говорить друг другу «вы», как будто хотели соблюсти дистанцию, остаться в самом начале, на пороге первого свидания. Оливия и Франсуа прожили вместе двадцать лет – та же разница была у них в годах.

Оливия сделала глоток портвейна и закончила рассказ: «Родные отказались от нас, но мы не очень переживали. Наша семья состояла из него и меня. Когда Франсуа умер, мать кремировала его здесь, в своем родном городе, – как будто хотела наказать нас, а чтобы окончательно стереть память о нем, развеяла прах в Саду воспоминаний. Но Франсуа никогда не исчезнет, он всегда будет во мне, потому что был моей родной душой».

27

Догорающая заря орошает поля меланхолией заходящих солнц.

Как только родилась Леонина, я купила школьный учебник, чтобы заново научиться читать: День малышей. Метод Боше. Авторы – М. Боше, В. Боше, Ж. Шапрон, преподаватели, и М. Ж. Карре³². В конце беременности я случайно услышала по радио передачу об этом методе. Выступавшая преподавательница рассказала, что один из ее учеников дважды дублировал подготовительный курс по причине малограмотности. Что он пытался не читать, а догадываться. Говорил бог знает что, пользовался хорошей памятью, чтобы симулировать чтение, а на самом деле рассказывал заученное наизусть. Именно так я сама всегда и делала. Педагог применила к мальчику метод Боше, и через полгода он читал почти так же хорошо, как его одноклассники. Этот очень старый метод, полностью силлабический, исключал возможность схитрить, узнать или угадать слова и фразы.

Грудная Леонина лежала в коляске. А я часами читала ей вслух слова. Лео смотрела на меня широко открытыми глазками и не осуждала ни за медлительность, ни за запинки и повторы, ни за ошибки произнесения. Каждый день я повторяла одни и те же слоги, пока не добивалась идеальной легкости «исполнения».

Иллюстрации в книге были очень яркие, веселые и наивные. Моя дочь очень скоро начала хватать их своими маленькими пальчиками. А тетрадку заляпала всевозможными «субстанциями» – слюнками, шоколадом, томатным соусом. Она рвала странички. Мяла их. Даже грызла обложку.

В первые годы я прятала учебник. Не хотела, чтобы Филипп Туссен случайно его увидел. Даже мысль о том, что он узнает мою тайну, была совершенно невыносима. Я не могла допустить, чтобы подтвердилась правота его матери, презиравшей меня за происхождение.

Я доставала книгу, когда Филипп уматывал на мотоцикле, и Леонина издавала радостные крики – она знала, что сейчас начнется чтение. Мой голос успокаивал дочку. Рисунки она знала наизусть, но не уставала ими восхищаться. Маленькие девочки с золотистыми волосами в красных платьицах, куры, утки, новогодние елки. Зелень, цветы. Сцены повседневной жизни для малышей. Простецкие, но счастливые жизни.

Я положила себе три года на то, чтобы научиться читать бегло: когда Леонина пойдет в детский сад, я буду во всеоружии. Я добилась цели намного раньше: когда Лео задула свою первую деньрожденную свечу, я была уже на странице 60.

Благодаря методу Боше я перестала спотыкаться на словах. Мне очень хотелось связаться с женщиной, выступавшей на радио, и сказать, что она изменила мою жизнь. Я позвонила на RTL, объяснила оператору, что в августе 1986 года случайно включила радио и в передаче Фабриса услышала выступление учительницы младших классов, воспользовалась ее советом и жажду сказать «спасибо». К сожалению, точной даты я не помнила, и мне не помогли.

Учиться читать – все равно что учиться плавать. Освоил брасс, больше не боишься утонуть – и готов покорить не только бассейн, но и океан. Вопрос дыхания и тренировки.

Я очень быстро дошла до предпоследней страницы и прочла отрывок из сказки Андерсена «Ель», которую Леонина полюбила больше всех остальных текстов.

В лесу стояла чудесная елочка. Место у нее было хорошее, воздуха и света вдоволь; кругом же росли подружки постарше – и ели и сосны. Елочке очень хотелось поскорее вырасти.

³² «Méthode Boscher ou La journée des tout petits» (фр.).

...Крестьянские дети присаживались под елочку отдохнуть и всегда говорили: «Вот славная елочка! Хорошенькая, маленькая!» Таких речей деревце и слушать не хотело.

«Ах, если бы я была такой же большой, как и другие деревья!» – вздыхала елочка. ... «Да, расти, расти и поскорее сделаться большим старым деревом – что может быть лучше этого!» – думалось елочке. Каждую осень в лесу появлялись дровосеки и рубили самые большие деревья... Потом их укладывали на дровни и увозили из леса. Куда? Зачем?

...Один аист сказал: «Я встречал на море много новых кораблей с великолепными высокими мачтами»...

Незадолго до Рождества срубили несколько совсем молоденьких елок... Все деревца были прехорошенькие, их не очищали от ветвей, а прямо уложили на дровни и увезли из леса. «Куда?» – спросила ель.

...Подшло очередное Рождество, и елочку срубили первую... Явились двое разодетых слуг, взяли елку и внесли ее в огромный великолепный зал; повсюду были расставлены кресла-качалки... Явились слуги и молодые девушки и стали наряжать ее... «Как заблестит, засияет елка вечером, когда зажгутся свечи!» – сказали все.

А поутру ее вытащили из комнаты, поволокли по лестнице и сунули в самый темный угол чердака, куда даже не проникал дневной свет... И она прислонилась к стене и все думала, думала...

Она вспоминала счастливую молодость в лесах, веселую рождественскую ночь и вздыхала. «Все прошло, прошло! – сказала бедное дерево. – И хоть бы я радовалась, пока было время! А теперь все прошло!»³³

Я купила настоящие детские книги и сотни раз читала и перечитывала их Леонине. Ни одной девочке на свете не рассказывали столько историй. Это стало нашим ежедневным ритуалом, моя дочь никогда не засыпала без истории. Даже днем она прибежала с книжкой в руках и лепетала: «История, история...» Я сажала ее на колени. Мы вместе открывали книгу. И Лео затихала, замороженная словами.

Я закрыла «Правила виноделов» на двадцать пятой странице и спрятала в ящик как обещание, а снова открыла, когда Леонине исполнилось два года. И больше не закрывала. Я и сегодня перечитываю Ирвинга несколько раз в году. Его герои стали моей приемной семьей. Доктор Уилбур Ларч – мой любимый отец. Приют Сент-Клауд в Мейне воображение превратило в дом моего детства. Сироту Гомера Уэлиса – в старшего брата, а нянек Эдну и Анджелу – в теток.

Такова королевская привилегия сироты. Он волен делать что хочет, в том числе выбирать себе родителей.

Роман Ирвинга «удочерил» меня. Не знаю, почему никто ни разу не сделал этого в реальной жизни и зачем соцработники переводили меня из одной опекунской семьи в другую. Неужели родная мать периодически давала знать, что никогда не откажется от родительских прав?

В 2003 году я поехала в Шарлевиль-Мезьер с твердым намерением узнать ее имя. Увы – папка с делом, как я и предполагала, оказалась пустой. Ни письма, ни памятной безделушки, ни фотографии. Ни слова «прости». Эту папку могла бы открыть и моя мать, если бы захотела. Я положила внутрь мой роман о воображаемом обретении семьи.

³³ Перевод с датского А. В. Ганзен.

28

Нет такого одиночества, которое нельзя разделить.

Тем утром хоронили Виктора Бенжамена (1937–2017).

Без отца Седрика – так распорядился усопший. Жак Луччини установил аппаратуру рядом с могилой. Зазвучала песня Даниэля Гишара³⁴ «Мой старик»:

В потертом стареньком пальто,
Все в нем – зимой и летом,
Он зябнуть по утрам привык...
Знакомьтесь – мой старик.

Ни креста, ни цветов, ни венков – только таблички от друзей и коллег, жены и детей. Один из сыновей держал на поводке собаку, чтобы она тоже простилась с хозяином.

Даниэль Гишар все пел:

Ту песню помнят все вокруг —
Ты костерил хозяев тут!
Крыл левых, правых, буржуа,
Творца и то настиг – да, мой старик...

Пес сидел и, ни разу не заснувши, слушал до конца.

Когда церемония закончилась, родственники пошли к выходу. Пес Виктора следовал за ними, рядом бежала Элиана – ей явно понравился этот кобелек, но она вскоре вернулась в дом, к своей уютной корзине. Старость – не радость, какая уж тут любовь...

Я вернулась домой в отвратительном настроении. Ноно это почувствовал. Он сходил за свежим багетом, фермерскими яйцами, и мы соорудили роскошный омлет с тертым сыром конте.

На столе, в куче рекламных буклетов о лучших сортах семенного салата и посадочном материале для прививки кипарисов, под каталогами от *Willem&Jardins*, лежало письмо. Марка с замком Иф, отправлено из Марселя.

Виолетте Трене-Туссен
Кладбище Брансьон-ан-Шалона (71)
Сона-и-Луара

Я вскрыла конверт, дождавшись ухода Ноно.
Жюльен Сель начал письмо безо всяких политесов.

Нотариус распечатал написанное мамой письмо – судя по всему, она не была во мне уверена и хотела сделать все по закону. Подозреваю, она опасалась, что я не выполню ее последнюю волю.

А хотела она одного – лежать рядом с Габриэлем Прюданом на вашем кладбище. Я попросил нотариуса повторить незнакомое имя. Габриэль Прюдан.

³⁴ Даниэль Гишар (род. в 1948 г.) – французский певец и актер.

Я сказал: «Здесь какая-то ошибка. Моя мать была замужем за моим отцом, которого звали Поль Сёль. Он похоронен на кладбище Сен-Пьер в Марселе!» Нотариус ответил, что никакой ошибки нет и речь действительно идет о завещании Ирен Файоль, по мужу Сёль, родившейся 27 апреля 1941 года в Марселе.

Я сел в свою машину и ввел в GPS новый адрес: «Брансьон-ан-Шалон, дорога на кладбище», потому что «кладбище» не фигурировало в предлагаемом списке. Триста девяносто семь километров в противоположную от Марселя сторону, никуда не сворачивая. По автострате до Макона. Свернуть у Сансе и еще десять километров рулить по сельским дорогам. Что там забыла моя мать?

Остаток дня прошел впустую, и в девять вечера я отправился в путь, через несколько часов остановился недалеко от Лиона. Хотелось кофе, нужно было заправиться и поискать в Интернете Габриэля Прюдана. Википедия «помогла» определением слова «осторожность»³⁵.

Я направлялся к давно умершему и погребенному человеку и пытался восстановить в памяти моменты общения с матерью в последние годы. Несколько воскресных обедов, кофе время от времени, если я по службе оказывался в ее квартале, на улице Паради. Она никогда не спрашивала, счастлив я или нет, интересовалась только политическими событиями и моей работой, правда, ответы ее разочаровывали. Мама ждала рассказов о кровавых разборках и преступлениях по страсти, а я мог поведать только о карманных кражах и грабежах. В крайнем случае, о торговле наркотой. Мы прощались в коридоре, она целовала меня и говорила: «Ты там поосторожнее...»

О личной жизни матери я не знал ничего и не мог припомнить даже тени Прюдана в моих воспоминаниях.

До Брансьон-ан-Шалона я добрался в два часа ночи, припарковался у закрытых ворот кладбища, выключил мотор и задремал. Мне снились кошмары, потом я замерз, включил печку, снова погрузился в сон и открыл глаза в семь утра.

В доме зажегся свет. И я постучал в дверь, не ожидая увидеть вас. Думал, что смотритель кладбища окажется пузатым стариком с багровым лицом. Знаю, знаю, избитые представления глупы до невозможности, но кто был бы готов к встрече с такой женщиной, как вы? Думаете, легко выдержать взгляд, подобный вашему, – недоверчивый, испуганный и нежный одновременно?

Вы впустили меня. Угостили кофе. У вас было хорошо. В кухне вкусно пахло. И от вас тоже хорошо пахло. Вы были в сером халате – старушечьем, совершенно не подходящем для трогательно молодой женщины. Я не могу подобрать слов, чтобы описать самое первое впечатление: в вас чувствовалась энергия, неподвластная времени. А халат... он напоминал маскировку. Как будто девочка примерила одежду своей бабушки.

Волосы вы в тот день убрали в пучок. Не знаю, в чем было дело, что повлияло сильнее – шок, испытанный в кабинете нотариуса, бессонная ночь в дороге, уставшие глаза, – но вы показались мне нереальным созданием. Призраком. Привидением.

Увидев вас, я почувствовал, что мама впервые приобщила меня к своей странной, параллельной жизни, призвала меня туда, где действительно существовала.

А потом вы достали эти потрясающие регистрационные журналы похорон, и я понял, что вы не такая, как все. Что особенные женщины действительно существуют. Вы были личностью, а не чьей-то копией.

Вы попросили немного подождать, я вернулся в машину, включил двигатель, закрыл глаза, но заснуть не смог. Воображал вас за дверью дома, куда был допущен всего на час, и прокручивал в памяти встречу с вами, вслушивался в музыку сцены.

³⁵ Фамилия Прюдан – *Prudent* – переводится как «Осторожный». Существительное «осторожность» – *prudence* (фр.).

Увидев вас снова – в темно-синем пальто, за решеткой ограды, – я подумал: нужно обязательно выяснить, откуда она взялась и что тут делает.

Вы отвели меня на могилу Габриэля Приюдана. Шли, держась очень прямо, и ваш профиль был прекрасен. При каждом шаге под синим пальто угадывался красный цвет, словно подошвы ваших туфель скрывали какую-то тайну. И я снова подумал: нужно обязательно выяснить, откуда она взялась и что тут делает. Мне следовало грустить тем октябрьским утром на вашем мрачном, насквозь простуженном кладбище, но я чувствовал нечто совсем иное.

У могилы Габриэля Приюдана я казался себе мужчиной, влюбившимся в подружку невесты в день собственной свадьбы.

Во время второго посещения Брансьона я долго за вами наблюдал. Вы протирали портреты усопших и беседовали с ними. Меня в третий раз посетила мысль, что нужно обязательно выяснить: откуда она взялась и что тут делает.

Расспрашивать мадам Бран не пришлось – она сама, с большой охотой, поведала мне, что вы живете одна, а ваш муж «исчез». Я решил, что «исчез» – значит «умер», и обрадовался, подумав: она одинока. Когда мадам Бран уточнила, что ваш муж неожиданно... испарился двадцать лет назад, я почувствовал, что он может вернуться, и то состояние нереальности, в котором вы пребывали во время нашей первой встречи, вызвано именно этим обстоятельством. Бесконечными часами, проведенными в состоянии «подвешенности» между жизнью и другой жизнью. Вы сидели в зале ожидания, и никто не окликал вас по имени. Казалось, что Туссен и Трене перебрасываются мячом, а вы замаскировались, спрятали свою молодость под унылым серым халатом.

Я захотел выяснить правду ради вас. Освободить принцессу. Изобразить героя комикса. Сорвать темно-синее пальто и увидеть красавицу в красном платье. Пытался ли я через вас узнать то, чего не знал о моей матери и собственной жизни? Конечно! Я вломился в вашу «прайвеси» в поисках утешения и прошу за это прощения.

Извините меня...

За двадцать четыре часа мне удалось выяснить то, что двадцать лет оставалось для вас тайной. Я без труда получил копию вашего заявления об исчезновении мужа, поданного в жандармерию. Из записей бригадира, беседовавшего с вами в 1998 году, я узнал, что ваш супруг регулярно отлучался из дома. Исчезал на много дней, даже недель, и не сообщал, где находится. Филиппа Туссена не искали, потому что никто не встревожился. Его психологический и моральный профиль, как и состояние здоровья, позволяли предположить, что он скрылся совершенно добровольно. Я узнал, что «исчезновение» – легенда. Ваша и всех остальных брансьонцев.

Совершеннолетний гражданин волен прервать все контакты с близкими, а если адрес нового местонахождения будет выяснен, сообщить его родственникам можно лишь с согласия этого человека. Я не имею права дать вам координаты Филиппа Туссена, но мне плевать. Вы сами сказали: «Жизнь стала бы очень скучной, если бы мы делали только то, что предписывают наши полномочия...»

Сделайте с этим адресом что захотите: я записал его на листке, спрятал в конверт и прилагаю к письму.

Преданный вам Жюльен Сель».

Это первое любовное письмо за всю мою жизнь. Странное, но все-таки любовное. В нескольких строчках Жюльен почтил память своей матери, и слова явно дались ему непросто. Его послание занимает страницы – излить душу незнакомому человеку гораздо легче, чем собравшимся за столом родственникам.

Я смотрю на запечатанный конверт с адресом Филиппа Туссена. Кладу его между страницами «Роузес Мэгэзин». Пусть лежит, пока я не решу, что с ним делать: хранить (не читая),

выбросить или прочесть. Филипп Туссен живет в ста километрах от моего кладбища... Не могу поверить! Я думала, он где-то за границей, на краю света. Того самого, который давно перестал быть моим.

29

Листья опадают, одно время года сменяет другое, вечно лишь воспоминание.

Филипп Туссен женился на мне 3 сентября 1989 года, в тот день, когда Леонине исполнилось три года. Нет, он не опускался на одно колено, чтобы сделать предложение по всем правилам. Бросил как-то вечером – между делом: «Нужно пожениться – ради малышки...» Конец истории.

Через несколько недель он спросил, позвонила ли я в мэрию, чтобы условиться о дате. Да-да, именно так и сказал: условиться о дате. Слова не из его лексикона. Так я поняла, что он повторил эту фразу за кем-то другим. Филипп Туссен женился на мне по наущению матери, чтобы я не получила единоличную опеку над дочерью, если мы разбежимся, или не исчезла с концами, как поступают «такие девки». Да, в глазах мамы Туссен я всегда буду «другой», старуха даже не называет меня по имени, говорит «она». Я тоже никогда не смогу произнести ее имя – Шанталь.

Мы попросили подменить нас на переезде (впервые за все время), чтобы расписаться в Мальгранж-сюр-Нанси. Филиппа Туссена устраивало, что мы не можем уйти в отпуск вместе, а поскольку привычек своих он не менял, лично я в отпуске работала.

Мэрия находилась в трехстах метрах от нашего переезда, на Гран-Рю, и мы пошли туда пешком: Филипп, его родители, Стефани, кассирша из «Казино», Леонина и я. Мадам Туссен была свидетельницей сына, Стефани – моей.

После рождения Лео супруги Туссен навещали нас дважды в год. Когда огромный автомобиль подъезжал к дверям, наш домик «исчезал». На короткое время их достаток затмевал наше... «лишенство». Мы не были нищими, но и богачами нас никто бы не назвал. Вот именно – *мы*. С годами я узнала, что у Филиппа много денег, но лежат они на отдельном счете, который находится в доверительном управлении у его матери. Само собой разумеется, что расписались мы, заранее оговорив условие раздельного владения имуществом. Отец Филиппа очень огорчился, узнав, что мы не будем венчаться, но сын не уступил его просьбам.

Мать моего мужа звонила нам часто и почти всегда в неудачный момент: когда я купала малышку, или мы собирались садиться за стол, или нужно было выйти из дома, чтобы опустить шлагбаум. Эта женщина набирала номер по несколько раз в день, желая достать сына, который часто бывал в отсутствии. Я снимала трубку, слышала раздраженное сопение и голос, хлесткий, как бич: «Передайте трубку Филиппу». Коротко и ясно. Зачем тратить лишние слова? У мадам слишком много дел и без «этой»! Каждый разговор матери с сыном заканчивался мною: я знала это, потому что Филипп всегда выходил из комнаты и понижал голос, как будто опасался меня, считал врагиней. Что именно он мог обо мне рассказывать? Я и сегодня иногда об этом думаю. Какой он видел свою жену? Видел ли вообще? Я была женщиной, которая готовила ему еду, стирала и гладила, работала за двоих, делала ремонт и воспитывала дочь. Возможно, он придумывал иную Виолетту Трене, с другими привычками и маниями? Или описывал матери «собираемый образ», основываясь на портретах многочисленных любовниц?

Церемонию вел помощник вице-мэра. Он зачитал три фразы из Гражданского кодекса, а когда задал вопрос: «Вы клянетесь хранить верность и помогать друг другу, пока смерть не разлучит вас?» – гудок пассажирского в 14.07 заглушил его голос. Леонина воскликнула: «Мама, поезд!» Она не поняла, почему я не иду опускать шлагбаум. Филипп Туссен ответил «Да». Я тоже. Он наклонился, чтобы поцеловать меня. Помощник вице-мэра надел пиджак – его ждали в другом месте – и сказал: «Объявляю вас мужем и женой». Помощники всегда работают по

профсоюзному минимуму, если невеста не в белом платье. Единственную фотографию сделала Стефани (я до сих пор храню ее) – мы с Филиппом Туссенем на ней очень красивые.

Все отправились обедать к Джино, в пиццерию эльзасцев, ни разу не бывавших в Италии. Все веселились, громко смеялись, Лео задула три свечки. Ее глаза просияли, когда она увидела высокий именинный торт, который я для нее приготовила. Я и сегодня могу, если захочу, почувствовать каждое мгновение того счастливого застолья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.